

Даниил Кислевский

# Первый год Чужая эра



Даниил Кислевский  
**Первый год. Чужая эра**

«Издательские решения»

**Кислевский Д.**

Первый год. Чужая эра / Д. Кислевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500934-0

Кто знает, имеет ли смысл писать аннотации к первой книге, выпущенной после краха цивилизации? Есть ли резон предвосхищать впечатление читателей, в последнюю очередь думающих о литературе в эти тяжелые дни? Если да, то текст должен быть краток и понятен: четыре времени года — первого года чужой эры. Четыре истории живых людей, оказавшихся в мертвом сибирском городе. Первые истории мира, потерявшего свою собственную. Интригует? Пусть нет. Ведь задача произведения — совсем в другом... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-500934-0

© Кислевский Д.  
© Издательские решения

# Содержание

Первый год	6
Башня	11
Клетка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	51

# Первый год. Чужая эра

**Даниил Кислевский**

*Иллюстратор* Lenni Garden

*Редактор* Валентина Яркова

*Редактор* Любовь Бердюгина

© Даниил Кислевский, 2019

© Lenni Garden, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-0934-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Первый год Чужая Эра

### *К читателю*

*Перед прочтением датчик желательно снять.*

*После прочтения не забудьте вернуть его на место.*

\*\*\*

Стоило неуверенному молодому человеку в толстом свитере и местами разорванном пуховике сделать шаг к крыльцу «Предбанника», как из двери дома спешно вышел высокий мужчина – тоже одетый по-зимнему, только на одежде его не имелось дыр, и она была значительно теплее. Вышедший, выпуская на улицу облако домашнего пара, которое в свете ярких фар внедорожника было похоже на вату, мельком поглядел на гостя перед собой и кивком головы пригласил его внутрь.

– Добрый вечер... – неуверенно сказал молодой человек, но в ответ лишь снова получил кивок. Вышедший направился к машине, поправляя на плече рюкзак и оружейный чехол. Тогда, покашливая с мороза, гость все же поднялся по крыльцу, вошел в здание, бывшее когда-то частным жилым домом на дальней окраине Железногорска, и, закрыв за собой дверь, поежился.

Гул внедорожника с бойцами дозорной группы, что привез вошедшего к заставе на ночь глядя, все еще слышался снаружи. Дважды хлопнули дверцей.

– Здравствуйте! – прокашлял гость и прислушался. Ему никто не ответил.

В узком коридоре царил полумрак. Тусклый свет шел из-за едва прикрытой двери, ведущей в дальнюю комнату, бывшую когда-то залом. Повсюду стояли большие и маленькие ящики, у стены слева громоздились друг на друга две стремянки и три лодочных весла, одно – основательно погрызенное собакой. Особое внимание привлекали два предмета – большой лист ватмана, закрепленный на стене коридора, с метками сбоку, будто для замера роста, и треножник штатива, стоящий рядом, накрытый сверху куском мешковины.

Гость, осознав, что никто не собирается его встречать, еще раз кашлянул, уже громче, а затем закашлялся по-настоящему.

– Я сейчас выйду! – послышался откуда-то хриловатый грубый голос, тоже перебиваемый кашлем, только куда более зычным, грудным. – Проходи в зал, подожди, посиди.

Гость осторожно протиснулся в коридоре меж ящиков, вошел в комнату и огляделся, ищу, куда можно повесить или положить верхнюю одежду. В тускло освещенном нервной лампочкой помещении, окна которого, как и полагается первым этажам, были наглухо заварены листовым металлом, разглядеть что-то было трудно. Никакого подобия вешалки в заставленном ящиками кабинете не оказалось, а чистыми, без следов пыли или бетонной крошки, были только стол и диван, оба заваленные бумагами.

На улице захрустел сминаемый автомобилем снег, и патрульная группа, доставившая молодого человека на территорию «Предбанника», уехала на объезд, по всей видимости, забрав с собой и молчаливого человека в пуховике. Гость, не раздеваясь, сел на диван, отодвинув листы, и открыл свой рюкзак. Стараясь не скрипеть старыми пружинами, он вытащил диктофон и фотоаппарат, которые еще год назад стоили бешеных денег, заодно примостив на покатый, засаленный диванный локотник теплый термос. Из-за двери, откуда ему кричали, больше не доносилось ни звука.

Налив в крышку термоса горячий и горький растворимый кофе, молодой человек сделал несколько глотков и поежился. Ему было неуютно и в этом помещении, находящемся на опушке леса, у самой границы безопасной зоны, и в этом пуховике, в котором на январской улице было холодно, а в любом помещении – жарко. Особый же дискомфорт он испытывал от ожидания предстоящей встречи. Левая нога его то и дело начинала нервически стучать по полу, и стук этот гулко уходил куда-то под пол, в подвал.

Датчик, скрытый под шарфом, еле слышно предательски пискнул пару раз. А в следующий миг дверь в соседнюю комнату открылась, и в бывшее когда-то залом помещение вошел грузный, бледный и хмурый мужчина лет за пятьдесят, спешно накидывающий камуфляжную куртку на голое по пояс тело. Гость успел увидеть неплотный моток бинтов в районе локтя. Голова с глубокими залысинами была покрыта испариной, а вместо двух пальцев на правой руке тоже виднелась бинтовая повязка, впрочем, аккуратно наложенная.

– Ты Кислевский? – хрипло спросил мужчина, покашливая и усаживаясь за заваленный бумагами стол. Гость кивнул.

– А вы – Гришин?

– Да, – сказал грузный мужчина, и, немного помолчав, добавил: – Олег Миронович.

Он протянув руку через стол, не вставая. Кислевский, не сразу поднявшись с продавленного дивана, поспешно шагнул вперед и пожал руку, со смущением ощутив отсутствие двух пальцев. Ладонь была влажная и подрагивающая.

– Мне у вас учет склада сделать нужно... – начал было гость, но представившийся Гришиным мужчина лениво махнул рукой.

– Да я знаю, что тебе нужно. Писали мне. Далеко тебя занесло, Кислевский, – сухо сказал он и открыл стоящий на столе большой ноутбук. Его лицо, и без того бледное, выбитое из полутьмы светом экрана, казалось болезненным.

– Ну и кто тебя ко мне послал? Кому спасибо сказать? – с легким недовольством спросил Гришин, медленно шаря по карманам своей куртки, служившей чем-то вроде форменного кителя. Кислевский, отошедший к дивану, вновь замешкался, не зная, сесть ли назад или попросить стул.

– Нет тут стульев, ко мне никто не ходит. Так какая сволочь тебе меня присоветовала?

– Начальник центра связи, майор... – Кислевский нахмурился, силясь вспомнить имя. Гришин тоже фамилии не подсказал.

– Ты с патрульной сменой приехал? – спросил он сухо, глядя в экран.

– Да.

– А назад как?

– С ними же, часа через четыре.

– Ясно.

Кислевский, не желая терять время, но и не зная, как начать беседу, внезапно вспомнил.

– Давыдов. Майор Давыдов послал, сказал ехать на заставу к вам. Склад посчитать, и заодно... Вам письмо должно было прийти.

– С усами который? – перебил Гришин.

– Нет, без усов.

– Тогда не помню. Ладно, не суть. Что сказал-то?

– Сказал, что по моему вопросу надо обращаться к вам, в отдел... – Кислевский опять запнулся, забыв как называется место, в которое он приехал.

– В общественную приемную, – буркнул, Гришин, все еще безуспешно ища что-то в кармане. – Я это называю «общественная приемная». А вообще это пункт номер семь, у тебя записано должно быть. У тебя спички есть?

Кислевский вытащил из кармана коробок спичек и положил их на стол, а сам наконец уселся на диван.

– Ты склад когда пойдешь считать, сейчас или потом?

– Лучше попозже. Так вы... почитали, что я вам прислал? – спросил Кислевский, пытаясь унять скрип старых пружин и устроиться поудобнее. Из-за того, что диван был жутко продавленным, ему приходилось глядеть на собеседника снизу вверх. Ситуация из-за тусклого освещения и общего дискомфорта напоминала ему сцены с допросами из антиутопических фильмов.

– Ага, почитал, – бесцветно кивнул Гришин. Немного помолчав, он достал из-под стола охапку листов формата А4 и, поморщившись, водрузил на нос очки.

– Вот, только с утра закончил, – сказал он, кивнув на бумагу, и положил листы на стол. – Как письмо пришло, мне сразу интересно стало. Приедет на инвентаризацию парень, который еще и книжку пишет. Я даже не сразу понял, думал – шутки какие-то.

Кислевскому не понравился пренебрежительный тон собеседника.

– А зачем вы распечатывали? Вам же должны были в... – не успел он закончить свой вопрос, как вдруг Гришин разразился жутким, утробным кашлем, и замотал головой.

– Да не люблю я... не люблю с компа читать. Глаза болят. А бумаги у меня тут до краки, вон, – и он кивнул в сторону ящиков. – Хоть топи ей.

Прокашлявшись, он перевернул листы, и Кислевский увидел, что его тексты мало того, что оказались распечатанными только с одной стороны, но были еще и сшиты. В условиях, когда лично для него и принтер, и бумага были большой роскошью, такое странное транжирство показалось гостю нелепым – но было лестно.

– Почитал я. Нормально, в целом, – протяжно сказал Гришин, листая страницы и почесывая руку в том месте, где Кислевский увидел бинт.

– Неплохо так написано, – подытожил он с видом литературного критика, отчего Кислевский чуть не поморщился.

– Ну, это еще не написано. Это наброски, пока. Там много пробелов.

– Да, я видел. Вот, кстати, пока не забыл.

Гришин щелкнул тачпадом, и из недр ящиков в углу комнаты раздался скрипучий гул принтера. Выдохнув, Гришин встал, подошел к нему и вернулся назад со свежераспечатанным листом.

– На, держи.

С трудом перегнувшись через стол, Гришин протянул Кислевскому документ с описанием того, что должно находиться на складе. Тот взял лист и уставился в сухие буквы и цифры. Он совершенно не горел желанием идти сейчас из теплого помещения на ледяную улицу и ходить по неотапливаемому гаражу.

– Только подпишешь мне потом все как надо. Так, а все-таки, что это?

– В смысле? – Кислевский поднял взгляд.

– Ну, ты написал... не дописал книжку эту. Это все – оно зачем?

Кислевский ждал этого вопроса. Его задавали ему, самоназванному журналисту, уже не в первый раз. К его сожалению, толкового ответа он до сих пор не придумал.

– Это что-то вроде хроники... Про события больше, и немного про людей. Чтобы картину создать.

– Картину, ну, – недовольно сказал Гришин, и, перевернув распечатку, начал листать сначала. – Картину писать надо...

– Так я и пишу. Чтобы люди понимали... В общем, это не сухая статистика, а это...

– Типа журналистское расследование.

– Ну, наверное. В каком-то смысле.

Кислевский стал неловко возиться на скрипучем диване в попытке расстегнуть пуховик и оттянуть воротник свитера. Его раздражало то, что он не может толком высказать

мысль, да еще какому-то совершенно незначительному в нынешнем мире человеку, сидящему на отшибе.

– Ну понятно.

Гришин стал снова медленно листать бумаги, сопровождая это тяжелым, сопящим дыханием.

– Звать как? – наконец спросил он, в очередной раз уставившись на титульный лист. – Тут у тебя «Д. Кислевский». Дима?

– Данил.

– Поляк, что ли?

Вопрос был нелепым.

– Нет, русский. А какая теперь уже разница?

Гришин поглядел на гостя и ухмыльнулся.

– Хорошо сказано. Вот такое бы написал лучше. А почему «Первый Год. Чужая эра» называется? Не первый же уже год. Скоро уж третий, считай.

Кислевский пожал плечами, а затем, не выдержав духоты, встал, снял пуховик и положил его рядом с собой.

– Ну второй. Не знаю. Так красивее звучит.

Гришин почесал голову.

– Думаешь, что уже чужая?

– А вы думаете, еще наша?

Гришин ничего не ответил. Кислевский, сев обратно на диван, снова налил себе невкусный кофе из термоса и отхлебнул.

– Так вы мне можете?

– Склад проверить?

– Нет, склад вы мне только покажите где, я сам. Я про книгу.

– А что ты от меня хочешь, Данила? Рецензию?

Кислевский, услышав с детства нелюбимую форму своего имени, раздраженно вздохнул.

– Вам же писали. Я хочу, чтобы вы дали мне историй каких-нибудь, ярких. Про то, как все было. Мне сказали, вы лучше всех знаете...

– Тебе так сказали, чтобы ты к серьезным людям с вопросами своими не лез. Отфутболили тебя сюда, и все. Нашел, блин, знатока.

Кислевский не мог понять – набивает ли Гришин себе цену перед беседой, или просто совершенно не хочет тратить свое время на постороннего человека. Ему начинало казаться, что у начальника общественной приемной, полезность и востребованность которой вызывали сомнения у всех, с кем он говорил до этого, включился «синдром вахтера», при котором даже самый маленький винтик любого аппарата начинает ощущать свою невероятную важность, стоит лишь к нему обратиться.

– Ну даже пусть отфутболили. У вас куча должна быть разных данных, каких-то... ситуаций. Вы же этим занимались, и когда все началось, и потом.

– Я и сейчас... – начал было Гришин, но Кислевский перебил его:

– Вот и я о чем. Помогите написать, чтобы люди знали. И про тех, кто в Железке теперь, и про тех, кто в городе остался жить, в убежищах. Я, например, точно знаю, что вы собирали данные про КАТЭК, про Башню, про то, что с ними случилось. Говорят, вы прямо списки составляли, анализ, пока вас сюда не посадили.

Кислевский говорил с раздражением и сбивчиво, однако тон его и внезапно оттаявшая наглость Гришину, кажется, понравились.

– Кто говорит?

– Много кто, – буркнул гость. Гришин вздохнул.

– Выпить хочешь? Водка есть, хорошая.

– Поможете или нет? – спросил Кислевский, встав и шагнув к столу. И без пуховика ему стало совсем жарко. Гришин медленно расплылся в улыбке.

– Выйди в коридор, зайди в соседнюю комнату, к егерю, попроси у него стул, если он не ушел еще.

– Я кого-то встретил, когда к вам поднимался. Он к патрульным сел.

– Ну, значит ушел. Иди, возьми стул. Только ватман не оборви, я задолбался его клеить уже.

Немного растерянный Кислевский вышел из зала некогда жилой квартиры, превращенной в своеобразный офис никому не нужных служб, и на всякий случай постучался в соседнюю комнату. Гришин же покачал головой и опять усмехнулся. Затем, не без труда наклонившись, он поднял и поставил на стол бутылку дорогой финской водки с оборванной этикеткой, две рюмки из сувенирного охотничьего набора, а потом громко, протяжно закашлялся.

## Башня

Весна.

Михаил сидел за столом и с монотонным стуком бездумно втыкал нож в столешницу. Перед ним стоял уже давно остывший кофейный напиток, слишком, на его вкус, сладкий. Доктор считал, что коменданту необходим сахар, и потому он регулярно приносил все новые и новые порции коричневого варева. Но при одном взгляде на вязкую субстанцию Михаила начинало тошнить, и потому содержимое вот уже третьего стакана медленно превращалась в холодный отвратительный кисель.

Комендант слушал шумы, доносившиеся из рации. Слушал и ждал. Ждал, что на том конце радиосигнала кто-то все-таки нажмет на кнопку, прокашляется и неразборчиво, изда-лека, но уверенно скажет – выходите. И тогда Михаил, расправив плечи, наконец-то встанет из-за стола, накинет плащ-палатку и откроет дверь, за которой, прислушиваясь и нервничая, его давно ждут завхозы. Они суетливо поднимут на него свои лица, а Михаил, выдержав театральную паузу, которые он никогда не умел делать, кивнет им...

Но радио опустошающе молчало.

Михаил закрыл глаза и вздохнул. Жутко хотелось курить. Этим он мог хоть слегка, но успокоить нервы. Курить хотелось так сильно, что Михаила уже тошнило, но он понимал – в маленькой вонючей комнатке от запаха табака станет находиться совсем невозможно. Подумав о свежем воздухе, он непроизвольно посмотрел на наглухо закрытое отверстие вентиляции. Казалось бы, что проще – протяни руку, потяни на себя рычаг,пусти в небольшую, герметичную комнату немного воздуха... Но нет, нельзя. Могут учуять дым, учуять запах пота, гари, крови. Могут учуять страх, повернуться, найти их и побежать. Побежать сотнями, в тишине.

Михаил встряхнулся, открыл глаза и встал. Последние два часа только эти мысли и лезли ему в голову. Нужно было наконец прогнать их, но мысли, подобно самому Михаилу, тоже не могли выбраться из маленькой радиорубки. Нервничая, комендант сделал пару шагов из угла в угол. За тяжелой металлической дверью тут же кто-то зашуршал. Скорее всего, это были завхозы, ожидавшие его приказа. А может, собаки, которые уснули на пороге. Какая разница...

Михаил подошел к дальнему углу и расстегнул ширинку. В углу стояло уже основательно наполненное мочой ведро. Даже посыпанная стиральным порошком, жидкость в ведре отравляюще воняла.

Обычно в этих помещениях, которых в здании было пять, сидели радисты. В Башне их все называли «хомяками». И дело было вовсе не в излишнем весе, который кое-кто из них умудрился набрать на довольно скудном питании из-за сидячего образа жизни. Радиорубки на каждом пятом этаже были всегда закрыты на две двери – сплошную стальную снаружи и решетчатую изнутри, чтобы максимально надежно защитить дорогое оборудование. Комнаты не имели окон, и даже вентиляция в них была так себе. Еду радистам приносили прямо на рабочее место, справляли нужду они тоже там. Редкие юмористы из охраны изредка подбрасывали в радиорубки опилки на пол, намекая на позорные прозвища. Из-за этого регулярно происходили драки и подавались жалобы.

Силясь помочиться, Михаил пытался думать об этих «хомячьих» драках, отвлекая себя. За дверью сидело не менее десяти человек, внимательно прислушиваясь к каждому шуму. От этого Михаил не мог заставить себя справить нужду. От него ждут чуда, в каком-то смысле даже подвига, – а он будет мочиться в тишине штаб-квартиры. И все будут слышать это.

Смешно и стыдно одновременно.

Однако в конце концов желание взяло верх над стыдливостью. Михаил застегнул ширинку, и в дверь тут же постучали. После паузы постучали снова. Михаил вздохнул, подошел к двери, приложил ключ-карту к замку.

Механизм взвизгнул, и дверь открылась. За ней была ожидаемая картина – узкий плохо освещенный коридор с двумя рядами лавок, на которых ютились уже полностью одетые, готовые к выходу завхозы. На Михаила тут же уставились – устало, терпеливо, понимающе. С легким удовлетворением он увидел, что все завхозы сидят в наушниках. Скорее всего, они даже не слышали...

Прямо перед дверью, ласково поглаживая одну из собак, стоял доктор. В свободной руке у него была дежурная чашка с напитком, а под мышкой он держал планшет. Не переступая порога, он заглянул в помещение, посмотрел на ведро и негромко сказал:

– Миша, давайте емкость, я вынесу.

Комендант Башни немного смутился. Он всегда уважал доктора больше остальных научных, а тот теперь убирает за ним туалет. Как за хомяком в клетке.

– Спа... – начал было Михаил, но осекся. В горле запершило, пробило на кашель. Завхозы медленно начали вытаскивать наушники из ушей, пытаются понять, что происходит.

– Спасибо, Вадим Николаич, мне... – и снова закашлялся.

– Глупости какие, Миша. Давайте ведро. Что вам это нюхать, – настаивал доктор.

Михаил послушно взял ведро за ручку и понес к двери. Немного содержимого мерзко хлопнуло и разлилось на пол. Комендант одной рукой взял чашку из рук доктора, а другой брезгливо передал ведро.

– Так себе обмен, – просипел он, силясь пошутить.

Вадим Николаевич насмешливо хмыкнул и поспешил вынести ведро, а комендант закрыл дверь, сел на стул и вздохнул. Теперь он окончательно осознал, как же в радиорубке душно.

От бесконечной тоскливой скуки Михаил начал представлять себе путь доктора. Вот он идет по коридорам штабного этажа, неся ведро. Проходит мимо десятков людей, каждый из которых понимает – в этом ведре его, коменданта, отходы жизнедеятельности. Кто-то хихикает, кто-то тихо возмущается и острит. Вадим Николаич идет через пост охраны, идет через вахту и через цех, спускается на три этажа вниз. Доходит до границы, дальше которой уже никто не спустится. И, немного помедлив, выливает содержимое в бесконечную бездну лестничных пролетов небоскреба Башни. А затем идет назад. И десятки людей понимают, что он несет пустое ведро назад коменданту, чтобы тот снова сидел в своей клетке и ссал в него.

Михаилу опять стало стыдно и одновременно смешно.

Радио захрипело и тут же замолкло. Захрипело снова. Сердце Михаила забилося очень быстро, но в ту же секунду он понял – просто помехи. Значит, идет гроза. А значит – *они* уже близко.

В дверь снова постучали. На этот раз Михаил открыл сразу. Вадим Николаевич поставил ведро на порог.

– Разрешите войти, Миша?

– Да, конечно. Только... – замялся комендант

– Да-да-да. Протокол, я помню, – мягко перебил доктор и показал Михаилу датчик бета-волн. Убедившись, что все в порядке, Михаил пропустил доктора и закрыл за ним дверь.

Вадим Николаевич встал посреди комнаты и потянул носом воздух. Теперь он смотрел на невысокого Михаила с высоты своего роста и был похож на столб. От этого вот взгляда и роста Михаилу, да и всем в Башне, всегда почему-то становилось неловко.

– Ну и атмосферка тут у вас, Миша. Гадость, а не атмосферка.

Михаил развел руками и сел за стол.

– А почему не пьете? – укоризненно спросил доктор и ткнул планшетом на три стоящих рядом стакана.

– Сладко сильно, зубы ломит, – сказал Михаил извиняющимся тоном, и тут же мысленно сам себя пристыдил.

– А мне какое дело, Миша? Пейте.

– Хорошо, щас, – попытался отмахнуться Михаил.

– Нет, Миша. Вы вот прям сейчас пейте. Весь стакан.

Комендант вздохнул, но пререкаться дальше не стал. Подняв принесенный доктором горячий граненый стакан, он пристально в него посмотрел.

– Миша, это вам не игристое вино. Не выпендривайтесь. И на цвет не смотрите. Цвет у него... паршивенький.

– Как говно, – сказал комендант, но Вадим Николаевич только неодобрительно хмыкнул.

Михаил выдохнул, как заправский алкоголик, и в несколько глотков осушил стакан до дна. Вязкая, до безумия сладкая и теплая жидкость медленно пошла по пищеводу. Комендант поморщился.

– Миша, что вы кокетничаете? Все пьют. От этого пока никто не умер.

– Не успевают просто... – проворчал Михаил. Доктор перевернул ведро и сел на него. Положил на стол планшет, включил. Устройство запросило идентификацию отпечатков.

– Что там с погодой? – спросил комендант, глядя, как зеленая линия ползет под ладонью доктора.

– Прямо как напиток, – Вадим Николаевич достал сигарету и начал искать зажигалку.

Михаил вопросительно на него посмотрел, а затем указал на вентиляцию.

– Ой, я вас умоляю, Миша. Вреднее нам не станет, – пародируя одесский акцент, сказал доктор, – это я вам как врач говорю. Вы здесь в своих экскрементах по уши зачахнете. А дым – он хоть вкусный.

Это было против всех правил Башни. Курить в рубке категорически запрещалось. Еще вчера Михаил за такую вольность прилюдно отчитал бы виновника и оштрафовал пайком. Но сейчас он, сам изнывая от желания закурить, безвольно поддался доктору, словно бы никакой ответственности на нем и не было.

– Ладно, хрен с ним, дайте и мне тогда.

Михаил закурил и протянул доктору свою зажигалку. Планшет пискнул и начал выдавать данные. Пуская дым, комендант и доктор склонились над устройством.

Картина вырисовывалась отвратительная. На город двигались два грозных фронта: один со стороны разрушенной ГЭС, а второй – с холмов, со стороны бывшего Канска. Просто так этого быть не могло, и оба это прекрасно понимали. Впрочем, датчики с улиц и площади вокруг Башни молчали, молчали и системы периметра. Все это было странным и тревожным.

– Сильная пыль плюс помехи. Видимость не более двухсот метров. Да и дождик пойдет. Пыль прибьет, но радости от этого... С такими условиями даже опытные пилоты почти бесполезны, не то что эти, из Железногорска, – подытожил доктор.

– У них хорошее оборудование, – неуверенно буркнул Михаил.

– Руки прямые нужны, а не оборудование.

– На той неделе у них был рейд до «Кванта». А погода была хуже.

– Но она была обычная.

Они помолчали.

– Миша, я вот к чему. Четыре вертолета в такую погоду... Опасно. Нельзя просто так сидеть тут и ждать. Им нужно помочь.

– Нет, Вадим Николаич. Тут без вариантов.

– Мишенька, поймите. Вы не пилот. И я не пилот. Но у меня сын был пилотом на северах, и я знаю – в таких условиях они нас никогда не найдут. Там же навигация, все дела...

– Вадим Николаевич, хватит.

Михаил встал, потянул руку к вентиляции, но опомнился. Обернулся на доктора. В желтом дыму его почти не было видно.

– Просто сидим и ждем. Я вам...

И комнату наполнил хруст.

– «Авангард-Семь» вызывает «Башню», прием...

Из радио зашуршал тихий, безудержно далекий, но именно такой уверенный, как и хотел Михаил, голос.

– «Авангард-Семь» вызывает «Башню», прием...

Михаил замер. Ему как-то не верилось. Доктор же пристально посмотрел на радиоприемник и проверил свой датчик.

– Миша?

Михаил встрепенулся.

– Да, да, – закричал он в микрофон, – Башня на связи, прием!

– Привет трудящимся! – чуть громче захрипел голос. – Говорит командир группы «Чайка» капитан Ефимов. Прием.

Доктор радостно выдохнул и закурил новую, пятую по счету, сигарету.

– Говорит комендант Башни Ларионов. Нас девяносто семь человек плюс дюжина собак. Ждем вас, словно... – Михаил запнулся, не подобрав сравнения. – Ждем вас. Вы на подлете, прием?

И вдруг – тишина. Михаил повторил вопрос, но ответа так и не последовало.

Это было хуже, чем прошедшие часы ожидания. Это было даже хуже, чем знать, что не прилетят, не спасут. Наступила тишина, и она звенела. Пересохло в горле.

А затем раздался тихий, еле слышимый писк. Михаил повернулся на доктора. Тот сидел и смотрел на динамики.

– Вадим Николаич? – почему-то прошептал Михаил.

Писк усилился. В кармане доктора пищал датчик бета-волн.

– Вадим Николаич? – сказал Михаил громче.

Радио молчало. Датчик пищал.

– Доктор! – почти крикнул Михаил. Залаяли собаки за дверью.

Писк прекратился.

Вадим Николаевич медленно перевел взгляд на коменданта. Выдохнул.

– Простите.

Он медленно взял стакан с давно превратившимся в кисель кофейным отваром и залпом проглотил содержимое. Михаил видел, как огромный кусок сладкой массы прошел по горлу.

Тишина. Тишина, звонкая и совершенно безжалостная.

И вдруг приемник отозвался.

– Что-то шалит система, прием.

Голос прозвучал как-то иначе. То ли четкость повысилась, то ли связист сменился. Но голос был. Он наполнял комнату, проходя через дым. Сердце Михаила снова забилося, и ему показалось, что забилося впервые с момента, как радио замолчало.

– Говорит Башня. Вы на подлете? Прием.

– Кто говорит?

– Башня говорит. Ларионов. Прием.

Доктор нервно хихикнул.

– Говорит и показывает, – тихо прошептал он.

Повисла пауза. Никто не ответил, но помехи никуда не делись. Значит, на связи.

– Ну выходите тогда. Сколько вас, мудаков, ждать еще? – грубо прохрипела рация. Доктор и комендант переглянулись.

– Куда выходить? Прием.

– На берег, блядь! Катюша, мать твою. На крышу, куда?! Прием...

Михаил глубоко затянулся своей сигаретой, дойдя до фильтра.

– На какую крышу, «Авангард-Семь»?

Рация снова молчала, передавая помехи. Доктор поднял взгляд вверх, на потолок, словно пытаясь увидеть вертолеты через несколько этажей.

– Мы бы их услышали, Миша... – тихо сказал он, но тут из рации снова донесся трещащий голос.

– Вы там что, охуели совсем, Ларионов? Кому это надо?!

Михаил крепко сжал микрофон, раздражаясь.

– А ну попизди мне еще, капитан! Говорит комендант Ларионов! Доложить – где вы находитесь! – рявкнул он со всей силы. В этот момент, несмотря на недоумение и страх, Михаил все же нашел секунду, чтобы погордиться собой.

Рация, будто задумчиво, потрещала.

– Говорит «Авангард-Пять», – вежливее заговорил голос. – Находимся на вашей крыше, Башня. Видим сигнальные огни. Ждем личный состав для эвакуации. Прием.

Михаил вскипел в секунду, в одно мгновение, развернулся на доктора, и, сжимая микрофон до треска, заорал:

– Лыкин! Вы что творите, вашу мать! Вы огни зажгли?!

Доктор вздрогнул, уставился на коменданта испуганными глазами и замотал головой.

– Миша, Мишенька, это не я. Право слово, это не я, Мишенька! Я никаких приказов не отдавал, я вам клянусь, Миша!

И в эту секунду доктор на глазах Михаила будто бы разохся. Исчез, оставив вместо мудрого Вадима Николаича только старого, высокого и худого, испуганного старика...

– Миша, правда, – тихо начал говорить доктор, но Михаил уже быстро, нервно обращался к эфиру:

– «Авангард», не понял вас, какие огни? Прием.

– Сигнальные, Башня. Красные такие огни.

Михаил злобно втянул воздух. Ему вдруг захотелось раскроить череп этому тупому пилоту. И доктору... И даже самому себе.

– Повторите, где вы находитесь, прием.

За толстой цементной стеной жутко грохнул взрыв грома. Высоким писком из динамиков вырвались помехи. А затем, через почти что секунду, грохот грома ворвался с той стороны радиоволны. Началась гроза.

– Блядь, да на крыше вашей Башни мы находимся, прием. Раздули тут...

– Под Башней вы имеете ввиду здание КАТЭКа? – не выдержав, рявкнул Михаил в микрофон, нарушая собственные правила и рекомендации по безопасности от «Железки».

Молчание. Почему, почему же он слышал гром из динамиков с такой задержкой? Где вертолеты? Михаил стиснул зубы почти до боли.

И вдруг, разрезая помехи и электрические шумы, убирая их, четко и чисто, холодно, монотонно, в радиоэфире прозвучало:

– Спасибо.

Другим, совсем другим голосом – холодным, пустым, как молчание радио. А затем вновь, накатывая шуршанием, донесся голос пилота:

– Ну наконец-то. Выходите. Загружайтесь, только аккуратно. Конец связи.

Михаил сидел. Вся его злость, так внезапно вскипевшая, исчезла в один миг. Исчез и страх, и нервозность. Будто кто-то взял и вылил их целиком в бездонную пропасть с высоты десятков пролетов.

– Миша? – тихо, скрипуче спросил доктор, и тронул Михаила за плечо. – Они же не к нам прилетели, да? Они куда-то не туда прилетели. Напутали они!

Голос доктора под конец перешел на какой-то неприятный суховатый хрип. От этого звука комендант встрепенулся и наполнился страхом снова, гораздо больше. Перетек через край паникой. Он принялся вызывать пилота «Авангарда».

– Прием, прием. Мы не загружаемся! Повторяю – это не мы! Вы перепутали объекты! Прием! – кричал он в микрофон.

– Повторите? – как-то неуверенно, обреченно переспросили с того конца. И на том конце эфира тут же застрочили автоматы, щелчками, как будто кто-то пальцем проверяет работу микрофона. Раздался хриплый, трещащий крик, и рация замолчала. Насовсем.

Михаил открыл дверь. Теперь у завхозов не было наушников. Стояла полная тишина. Они вряд ли слышали весь разговор. Но они слышали тон, слышали крики. За завхозами ютились несколько вахтеров, оттесняя гражданских. И Михаил, который должен был сказать совсем другие слова, впервые по-настоящему, пусть и против своего желания, выдержав театральную паузу, сухо произнес:

– Отбой эвакуации. Общая тревога.

И все побежали. Звук куда-то исчез, настала тишина.

Каждый знал, что ему делать. Завхозы нацепили поводки на собак и стали отдавать приказы через внутреннюю связь. Все это закрутилось вокруг него, почти беззвучно. Прошел мимо доктор, серый, старый. Михаил лишь слышал, как по стенам Башни течет дождь.

Молодой вахтер заскочил в радиорубку и принялся приводить все в порядок. Комендант зашел за ним и, достав из сейфа дежурную «Сайгу», принялся медленно заряжать патроны. Сквозь дым на полу были видны следы рубленых подошв вахтера, наступившего в лужицу пролитой мочи коменданта.

Дым задергался и потек. Михаил поднял голову и сквозь ползущую завесу увидел бледное лицо молодого парня-вахтера, который по глупости открыл вентиляцию. Теперь он стоял и с ужасом глядел на коменданта, понимая, что он только что сделал. Михаил дозарядил оружие, подошел к парню. Тот стоял не шелохнувшись. Тогда комендант отодвинул его в сторону, втянул тяжелый, но свежий воздух, и закрыл вентиляционный шлюз.

– Уже неважно, – пробормотал он.

А запах дыма медленно, сворачиваясь в спирали, полз вниз, через еще недавно рабочие фильтры, и выходил на улицу, расплываясь на десятки метров над площадью.

Башня всегда держалась. В этом была ее задача, ее цель. Сам смысл. Одинокое, высокое здание, судьба которого и в старые дни была довольно драматична, Башня для многих стала символом спасения и надежды. Пять радиоточек, свой цех по производству простых медикаментов, запасы пищи, воды, электричество... Прибежище для нескольких сотен или даже пары тысяч людей.

Теперь все это было под ним. Михаил стоял на площадке перед рубежом – дверями на 22-й этаж. Их спешно, переругиваясь между собой, заваривали два инженера. За дверями начались черные провалы пролетов, которые вели к самодельным лабораториям, спальным этажам, хранилищу, лазарету. К огромным бессмысленным помещениям, которые еще позавчера люди считали неприступными, защищенными, важными.

– Уже неважно...

Михаил стал комендантом Башни пять месяцев назад. Формально он удовлетворял всем условиям, которые экстренный комитет Железногорска выдвигал к комендантам – имел в прошлом, еще в РФ, воинское звание, знал иностранный язык, работал на руководящей должности... И всем было плевать, что звание он получил в учебке, язык знал по фильмам и песням, а руководил до этого лишь однажды, три месяца проработав в должности начальника охраны не крупного нефтяного предприятия. Ведь Михаил по всем индикациям выдавал самые чистые показатели мозговых волн. А значит, не сорвется, не сломается, не предаст. Значит, можно доверять больше, чем себе. Значит – командир.

– Готово, Михал, – пробасил старший инженер, вытирая пот с лица и протирая грязной рукой уставшие от сварки глаза. – Принимай работу.

И в качестве доказательства легко, осторожно пнул массивную стальную дверь ногой.

Старшего инженера, дядю Колю, комендант не любил. За то, что тот Михаила никогда ни во что не ставил, за его хамское поведение, за известную всем двойную судимость, за фамильярность... За историю про изнасилование, так и не раскрытую. Много за что. Но больше всего не нравился ему инженер потому, что он, дядя Коля, разбирался в технике лучше всех, и вся инфраструктура держалась на нем. А значит, он был важен. Сам старший инженер об этом прекрасно знал, а потому все время переступал черту.

Но и это – уже неважно. Михаил устало кивнул. Повернулся назад. За его спиной стояла почти вся экстренная группа – вахтеры, охрана, санитары. Почти все при оружии, все нервные. Многие курили, наплевав на запрет и на то, что вытяжки уже почти не работали. Время от времени у кого-то раздавалась пара сигналов с датчиков, но звук тут же пропадал. Все смотрели вверх невысокого Михаила в сторону большой серой двери.

Комендант тоже повернулся на дверь. Прямо над ней висели уродливые кишки центральной кабельной системы. Все знали – дальше они уходят вниз, в темноту, проходят по всем этажам и входят в большой основной генератор, надежно забранный в подвальном бункере. В Башне не было возможности поднять его наверх, на штаб-этаж, и это всегда было поводом для обсуждений, ругани, бессмысленных проектов по переносу. Но сейчас это уже было неважно.

Генератор был неприступен. Кто-то когда-то, видимо, во время неоконченных попыток реставрации, установил его там вместе с впечатляющим запасом топлива, да так и оставил. Он был в идеальном состоянии, когда Башню начали использовать по ее последнему назначению, и он идеально работал и сейчас. При полной заправке он в одиночку мог снабжать Башню энергией почти неделю. Выхлопы от него отводились по канализации на добрых полкилометра на север. Чтобы подойти к нему, к сердцу Башни, нужно было преодолеть сложную сеть лабиринта подвала, открыть три тяжелых двери, а после установки оборудования еще и пройти процедуру идентификации. Обесточить защиту снаружи было невозможно. Управлялся он вручную или с терминала в штабе.

Но этот идеальный, совершенный, мощный агрегат со штабным этажом через всю высь Башни соединяли обыкновенные силовые кабели, во многих местах даже не забранные в стены, беззащитно висящие. Это напоминало аппарат искусственного жизнеобеспечения, который находился в соседней от больного комнате: любой запнется, вырвет провод – и всё. Была, конечно, страховка – несколько мелких генераторов на последних этажах. Они в любую минуту были готовы подхватить эстафету, но даже и близко не могли тягаться в мощи со своим старшим собратом. И хватит их, чуть что, совсем ненадолго.

Михаил думал об этом мощном колотящемся сердце, и предполагал, что все те, кто сейчас стоит рядом, тоже думают об этом. О том, что будет, если сердце остановится. Возможно, так оно и было. Возможно, именно поэтому мерзкий писк датчиков врывается в тишину все чаще.

– Вахтеры остаются здесь. Остальные – в штаб! Захватите из бара ящик... чего-нибудь! – придавая своему голосу несвойственные ему басовитые нотки, гаркнул Михаил и пошел через толпу.

Процессия шла по коридору, поднимаясь на предпоследний этаж. Из боковых коридоров и комнат их провожали взглядами мужчины, женщины, дети – все собранные для эвакуации. Все пространство вокруг было заполнено вещами, тихим шепотом, плачем, неуверенным смехом, лязгомдвигаемых вещей, возней собак.

Михаил шел и сгорал со стыда. Ему казалось, что каждый из тех, кто сейчас смотрит ему вслед, винит его. Будто это он, комендант, виноват в том, что не будет вертолетов, что генератор внизу, а не в штабе, что оружия мало, а умеющих с ним обращаться еще меньше. И что кто-то оттуда, снаружи, вторгся в радиоэфир и услышал переговоры с пилотом. От этого ощущения Михаил нервничал и начинал ненавидеть себя и всех вокруг. Ему хотелось развернуться и закричать, ткнуть в каждого пальцем, сказать им все, что он о них думает...

На последнем, штабном этаже, в окружении компьютеров и прочей электроники, сгрудились все те, кто напрямую подчинялся коменданту. Небольшая захламленная темная комната была почти целиком заполнена людьми, хотя их было не больше десятка. Подоспевший завхоз со звоном поставил на стол ящик с бутылками из «бара».

Название «бар» закрепилось за небольшим коридором на двадцать четвертом этаже из-за огромного количества дорогого алкоголя, находящегося там. Когда Башню год назад только начали заселять после серии неудачных эвакуаций, один из обитателей совершил рейд по близлежащим магазинам и притащил всю добычу почти на самый верх. В то время лифты еще не работали, а поэтому можно только догадываться, какой же врожденной жадностью или тягой к выпивке обладал прошлый хозяин «бара». Огромные запасы со временем так и не иссякли – в обычное время в Башне пить было запрещено. «Бар» хорошо охранялся и открывался только по праздникам или в качестве поощрения.

Или сейчас.

Кто-то вытащил пару бутылок дорогого виски и разлил по пластиковым стаканам. Старшие охранники взяли по бутылке и разошлись по постам, чтобы налить подчиненным. То же сделали и санитары. Остались лишь суровые завхозы, два инженера, Вадим Николаевич и комендант.

В общем обсуждении Михаил участия не принимал. Теперь первый приступ внезапного отчаяния прошел, и его разбирало зло – в каждой реплике, в каждой фразе он слышал лишь укор себе. Остальные медленно пили и нехотя, затравленно обсуждали варианты, которые тут же признавались негодными. Кто-то хотел спускаться вниз, до грузовиков, кто-то – разжечь сигнальные огни на крыше, кто-то – перебраться по тросам на соседнее здание бывшего торгового центра. Все это было невероятно и глупо, но иначе зачем вообще было это собрание? Только для того, чтобы не стоять перед дверью и не быть наедине со своим страхом?

По комнате медленно расплзался сигаретный дым. Всем уже было все равно.

– Музыку включите, – громко сказал Михаил и сам испугался своего голоса – он был почти чужой.

Все повернулись на него.

– Слышали, нет? – грубо спросил он инженеров.

– Товарищ комендант, так... – начал младший инженер, но как-то осекся.

– Что «так»? Народ там сидит, а мы тут пить весело будем? Врубай. На всю катушку.

Никто не высказал никаких протестов – очевидно было, что хуже не станет. Только старший инженер, тот, которого Михаил всегда недолюбливал, неодобрительно пробасил: «Что орет... Сам же за бухлом послал».

Младший инженер включил динамики по всем обжитым этажам. Эта музыка обычно играла в Башне и днем, и ночью, но тихо, фоновое. «Как в кафе», – всегда говорил доктор. Теперь же приятный, веселенький кавер популярной когда-то песни громко зазвучал из всех колонок, заполняя не только последние этажи с испуганными людьми, но и все черное и теперь ужасно пустое тело Башни. Играла не только для тех, кто боялся, но и для тех, кто шел в темноте.

– Если и был у нас шанс, то теперь всё – все знают. Можно и огни зажигать, – мерзко, с отяжкой, перекрикивая музыку, сказал старший инженер. Михаил злобно посмотрел на него, мысленно обругав его последними словами.

Все вновь начали переговариваться, но предложения сошли на нет. Теперь Михаил окончательно осознал, что для экстренного совещания нет повода, и собрал он его лишь для того, чтобы в последний раз показать всем, кто здесь главный. Всё, уже поздно. Ему уже нечего им сказать. Каждый лучше него знает, что нужно делать, где быть, о чем думать. Некого координировать, пространства для маневров тоже нет. Остается только сидеть и ждать, ждать и гнать от себя мысли, что старший инженер прав. Перестать думать, что, быть может, не видели их с улицы, что еще не узнали, где они. И что не подняли бы те, снаружи, своих голов и не повернулись бы на Башню, не отдай он приказ включить музыку. А теперь – оставалось сидеть и ждать.

– Надо было в «Премьере» идти, когда можно было, – продолжил инженер и допил свой стакан. Некоторые согласно поддакнули.

Михаил занервничал. За весь его недолгий срок на посту коменданта был лишь один инцидент, из-за которого Михаил чуть было не ушел в отставку. В начале весны комендант Дома, укрепления, расположенного в зданиях комплекса «Премьера» на другой стороне реки, вышел в эфир и предложил Михаилу переправиться всей Башней к ним. Об этом предложении узнали завхозы, и начался настоящий бунт.

Многие тогда приняли сторону Михаила – остаться в Башне, в привычном и знакомом месте. Но остальные, наслушавшись рассказов охотников и рейдеров о почти золотом величии Дома, о профессиональных бойцах из ОМОНа, несущих вахту, о целой поликлинике и, что важно, детской больнице, об отопительной системе... В общем, Дом казался землей обетованной. Возможно, он таким и был.

Дело почти дошло до «столкновений с применением оружия» – так он записал. Почти тридцать человек, в основном молодые и горячие, попытались выйти из Башни среди бела дня, без предварительных процедур безопасности. В их числе был и дядя Коля. При этом каждый из них уносил с собой что-то, что могло понадобиться в пути. Или понадобиться тем, кто уходит не собиравшись.

Тогда Михаил, по его мнению, принял мудрое решение. Он, под общее неодобрение, разрешил всем желающим уйти из Башни, но с условием – одна единица оружия на трех человек, и пищи только на два дня. Перебраться через Енисей и дойти до места за два дня тогда казалось вполне реально.

Старший инженер на таких условиях идти отказался. Не одобрили решение Михаила и оставшиеся в Башне, и те, кто собрался уйти. Но решение коменданта есть закон. И группа, попрощавшись с родными и близкими, покинула небоскреб.

– В «Премьере» бы мы как у Христа за пазухой... А тут, – старший инженер вызывающе глянул на коменданта и налил себе почти полный стакан. Народ вокруг начал тихо ругать инженера, но тому, казалось, было все равно.

Все те дни, что группа шла, Михаил лично держал редкую связь с комендантом Дома. Когда группа не объявилась к концу первого дня, он не особо заволновался – то расстояние, что раньше, в старом мире, можно было бы преодолеть за час-полтора, сейчас пройти было гораздо труднее. Завалы, ловушки, лежки – все это нужно было обходить, прячась, пережидая иногда по несколько часов. Плюс переход через непредсказуемый летом после прорыва ГЭС Енисей

был серьезным испытанием. Идти по Коммунальному мосту никто бы не рискнул, а значит, возникал вопрос поиска лодки или плота...

На второй день Михаил занервничал. Дом выходил на связь редко, опасаясь радиоперехвата, но каждый раз сообщал тревожное: «Еще не дошли». Комендант нервничал, а родственники и близкие засыпали его вопросами.

На третий день с Домом было два сеанса связи, и в тот раз оттуда сказали просто: «Не дошли». Убрали-то всего одно слово из сообщения, одно маленькое «еще», но стало ясно – переселенцев в Доме уже не ждут. На этом Дом связь прекратил.

А затем Михаил принял решение, за которое корил себя до сих пор. Поддавшись какому-то импульсу дешевого, лживого великодушия, комендант на общем собрании объявил, что группа с минимальными потерями дошла до Дома и передавала всем привет. Он пожалел о своих словах почти сразу – но ложная надежда уже поселилась в сердцах людей. Из-за его страха в Башне поселились пагубные мысли. После небольшого торжества стали витать слухи о сборах новой группы, кто-то даже предлагал сделать полный исход из Башни. Люди радовались, что хоть кому-то теперь лучше, чем им. Значит, не считали Башню самым хорошим местом. А те, кому было «лучше», в лучшем случае были мертвы, и только Михаил это знал.

– Там бы мы и производство наладили, туда и вертолетам из Железки легче... – начал было инженер снова, на этот раз громче, очевидно, быстро захмелев с дорогого виски.

Надо было прекращать это. Не спорить, не уводить разговор – надо было доказать, что он, старший инженер, неправ. Но дядя Коля не унимался.

– Короче, баста, мужики! – нетрезво, но еще слишком вменяемо начал старший инженер. – Хрен с ним!

Мотнув головой в сторону коменданта, он достал небольшой КПК в металлическом чехле и грохнул им об стол.

Сидевшие вокруг вяло посмотрели на прибор.

– Дождемся, пока этих, внизу, побольше наберется, и хватит с нас, – ткнув пальцем в экран, инженер осушил еще один стакан.

– Что это? – спросил Михаил. Никто не ответил. За стенами грянул очередной раскат грома.

– Коля, что это? – поинтересовался доктор, который так и не выпил ни грамма своей порции алкоголя.

Инженер повернулся к доктору, словно комендант своего вопроса и не задавал.

– Программа. Чтобы Гену запускать. Со всеми вариантами.

«Геной» инженер называл генератор, утверждая, что «техника нежность любит». Никто, кроме него, эту нелепую игру не поддерживал, но дядя Коля с завидным упорством продолжал даже сейчас.

Заиграла следующая песня.

– И как это нам поможет, Коленька?

– А нам это, Вадим Николаич, никак не поможет. Зато им – помешает, – и старший инженер, закинув руки за голову, откинулся на скрипучем стуле.

– Запустим Генку во всю мощь, с перегрузкой, чтобы все выбило. Там потоковая подача горючки в него, сам делал. Там пожар устроить – три минуты делов. Все рванет, я вам зуб даю. И всю горючку еще прихватим.

– И... что? – хрипло, по-старчески спросил кто-то из завхозов, сидящих рядом.

– Спалим их всех к херам собачьим, вот что, – с каким-то безумием в глазах сказал инженер, глядя в потолок.

Сидящие зашевелились, словно подул ветер. Многие начали переговариваться, а оставшиеся просто подались вперед, в сторону дяди Коли. Михаил сидел и слушал обрывки фраз...

– Так может, и продержимся, до второй-то группы?

- Отпугнем их... Убегут...
- Дойдет до нас, интересно? Рухнем?
- Надо было этажи перекрыть ниже...

Михаил слушал эти речи, постепенно наполняющиеся надеждой. Видел, как кто-то начал доказывать какие-то вещи собеседнику, а затем кивал со словами: «Да, да, так не выйдет». И все поглядывали на дядю Колю, а он – он смотрел в потолок.

Зависть взяла Михаила. И злость. Потому что он знал, что это никак не поможет. Столбы огня охватят Башню и убьют всех, кто будет и внутри укрепления, и снаружи. Сгорят цеха, потайные склады, генератор, горючее. Рванет боекомплект. Люди сгорят заживо или задохнутся, даже если здание не рухнет. Но оно рухнет, рухнет точно. И Михаил злился на сидящих перед ним людей за то, что они, не хуже него зная все это, рассуждают и надеются. И считают, что старший инженер прав.

В конце концов дядя Коля с шумом, пьяно облокотился на стол и очень по-киношному стукнул рукой.

– Вот, в общем, план! Сожжем их всех, уродов этих, а как поутихнет, выскочим и ломанемся в «Премьеру»! Надо было тогда идти, но и сейчас дойдем! Там нас ждут, там и жить начнем... А тут, – и он обвел нетрезвым взглядом помещение, имея ввиду всю Башню, – тут уже голяк, тут уже могила, мужики...

Михаил не выдержал. Инженер презирал Башню, презирал его, презирал всех. А его отчего-то слушали, ему начинали верить. Это нужно было прекращать. Грозно, гневно глядя на инженера, комендант, упершись кулаками в стол, низко рявкнул:

– Не дойдем мы до «Премьеры».

– Чего это мы не дойдем? Те дошли, без ничего, а мы все... – затянул дядя Коля, но Михаил перебил его:

– Группа, ушедшая весной, до Дома не дошла.

Ему миг стало легче. На секунду он увидел себя со стороны. Он даже немного залюбовался собой. Такие сцены он видел только в кино. Тихо играла музыка.

Никто не вскочил, не кинулся бить его. Никто не стал обвинять, ругаться, кричать «Я же говорил!» Не случилось ровным счетом ничего из того, чего Михаил опасался всю весну. Только кто-то тихо буркнул: «Все бы пошли – дошли бы...» Люди продолжали выпивать и задумчиво курить, будто все и так это знали раньше, но еще верили, что Михаил не соврал. Кто-то отвернулся от коменданта, кто-то стал смотреть в стол. Разочарованно смотреть. А дядя Коля безразлично буркнул:

– А... Ну, ясно...

Михаил внутренне обмяк. Он смял пластиковый стакан, и виски потек по перчаткам, попадая на кожу. Поймал себя на мысли, что вот сейчас-то его датчику следовало бы запищать.

Но датчика на коменданте не было.

Не было с весны, когда он впервые подвел коменданта, пронзив тишину кабинета. В тот вечер Михаил услышал последнее «Не дошли» от связиста Дома. Датчик мерзко, пронзительно заверещал прямо в ухо. Михаил пытался успокоиться, взять себя в руки, но все было без толку, и тогда комендант отключил его. Испугался, несмотря на то, что люди из Железногорска, с которыми он держал связь, и которые снабдили Башню датчиками, строго-настрого запрещали их снимать. Михаил испугался, что его решат убрать с должности, что перестанут ему верить. Вместо этого снял датчик – и остался незыблемым, непогрешимым. Ведь коменданту должны доверять.

Михаил смотрел на инженера и злился, все сильнее и сильнее. Идея взорвать Башню была безумна. И не потому, что это означало сжечь заживо почти сотню людей. Это означало испортить саму Башню, разрушить все, что нажито. Михаил удивился, осознав, что уже смирился с мыслью о том, что им всем конец. Но от мысли, что может рухнуть Башня, целый символ,

что пропадут припасы и убежище для тех, кто в будущем обязательно придет, – а люди всегда приходят в Башню, – Михаила почти трясло. Это бред. Непозволительное безумие. И давать повод им сейчас верить, что все получится, – еще хуже, чем врать про Дом.

– Так, тихо, – Михаил встал, включив командный голос, хотя никто и не говорил. Снова резануло по сердцу – не обернулся почти никто, никто его не слушал.

– Я сказал, тишина! – и он стукнул кулаком по столу.

Постепенно все перевели внимание на Михаила. Один старший инженер все курил и курил в потолок.

– Мы не будем, – прокашлялся, начал снова. – Мы ни при каких условиях не будем уничтожать генератор и Башню.

Сменилась музыка. Народ проглотил вердикт коменданта и залпом повалили слова:

– Так мы же не уничтожать...

– Мишка, ты что! Это же...

– Товарищ комендант, тут же...

Они перемешивались, сливаясь в один единственный довод, с которым спорить было невозможно – все хотят выжить.

– Нет! Вы знаете, что это – самоубийство! Мы не только ничего не добьемся, но и себя уьем. Не прилетят так быстро вертолеты, и до Дома мы не дойдем. А здесь просто все задохнется и зажарится. И это при условии, что все здание к чертям собачьим не рухнет!

Начались возражения, снова пошел поток идей... Все начали кричать Михаилу. И он обессилел от того, что понимал свою правоту, знал, что он прав, а они – нет. Он знал, что его доводы верны, а их – ошибочны, ему было даже смешно слушать их пустые надежды. Нужно было убеждать, доказывать. Из-за этого чувствуешь бессилие. Но доказывать он уже ничего не мог.

– Дядя Коля! – громко обратился Михаил к инженеру, раздвигая руками завхозов.

Инженер сидел и курил.

– Старший инженер Никитин!

– Ну что ты орешь, как петух? – огрызнулся дядя Коля и сел ровно. – Что тебе надо?

– Сразу скажи – сдохнем же все?

Люди развернулись, посмотрели на старшего инженера.

– Никитин. Отвечай.

Дядя Коля поправился, ухмыльнулся и выплюнул:

– Ясное дело. Иначе никак. Но их – заберем, – и он ткнул пальцем вниз.

Михаил протянул руку и схватил КПК со стола.

– Э, слышь! А ну дай сюда! – закричал дядя Коля и вскочил со стула.

Михаил тщеславно заметил, что завхозы все-таки преградили инженеру дорогу. Верят, значит. А может, просто привычка.

– Слышь, петушара, дай сюда! Да что вы его слушаете, лоха этого! Он вам говно в уши пихал полгода, а вы его слушаете!

Завхозы держали озверевшего, тюремного Колю, но глядели они на коменданта.

– Да нет здесь уже главных, нету! Все уже сдохли! Вы врагу сдать все хотите, я не понял? – кричал инженер. Датчик на нем запищал, и он сразу рефлекторно притих. Михаил убрал КПК во внутренний карман шинели, начал:

– Мы будем обороняться до тех пор, пока...

И наступила тьма.

Свет погас мгновенно. Он не замерцал, не затух – он просто исчез. Вместе с ним исчезла музыка. На секунду Михаилу показалось, что он потерял сознание или умер – так внезапно исчезла реальность. Темнота была абсолютной, твердой, физически осязаемой. Удаляющей

звуки веселой, глупой музыки. Но другие звуки ворвались в его сознание – воющий снаружи Башни ветер, далекие и близкие раскаты грома, останавливающиеся лопасти внутренней системы вентиляции. И чей-то женский крик этажом ниже.

Реакция была мгновенной. Этого, только этого все и ждали. Ругались, ссорились, надеялись – только ради того, чтобы хоть как-то приблизить момент, наступления которого никто не хотел. словно легче стало – завхозы достали фонари, побросали сигареты, побежали к выходу. Где-то раздался методичный треск, и верхние этажи наполнились гулом включаемых запасных генераторов. Меньше чем через минуту свет вернулся, но был уже другим – болезненным, дергающимся.

Михаил так и стоял во главе стола, в теперь уже пустой комнате штаба. Перегружались немногие важные компьютеры, но в основном ничего не работало. С потолка в паре мест почему-то начала капать вода.

У коменданта не осталось сил. Он вдруг проникся какой-то бесконечной, почти детской жалостью к самому себе. Ему было обидно за себя, за то, какой он. Весь, целиком. И с этой обидой за себя смешивалась странная обида на других. Почему так? Почему его ранг, его должность ничего не значат? Почему все знают, что им сейчас нужно делать, а он – нет? Он не так себе представлял экстренную ситуацию в Башне. Не что ему будут перечить, сомневаться в нем. Почему раньше он мог, а сейчас – не может? Он думал, все будут его слушать, выполнять его приказы и решения. А все и без него, без коменданта, знают, что делать, где стоять, кого защищать. Значит, не верят? Или, может, и не нужен Башне никакой комендант?

Михаил постарался собраться с мыслями и выйти из болезненного состояния. Быстро налил себе выпивки, но, помешкав, пить все же не стал. Подошел к главному узлу и запустил на терминале экстренный вызов. Пусть никто не придет, не прилетит – но пусть знают, что Башня еще держится.

С нижних этажей доносились крики. Детей и небоеспособных загоняли повыше, закрывали, уводили вместе с санитарами в тылы. Слышались голоса вахтеров, кто-то рассыпал на пол патроны и тихо матерился. Открывались сейфы с запасным оружием.

Забегал молодой охранник, справился, ждатель ли коменданта. «Неужели думают уже, что не приду?» Михаил взял «Сайгу» и зачем-то проверил магазин в пистолете, хотя прекрасно знал – заряжен, исправен. Видимо, опять захотелось придать действиям какой-то картинности. Поглядел на бумажные ленты на вентиляционном коробе. Висят. Нет подачи воздуха.

Уже неважно.

Комендант занял место перед главной дверью на двадцать первом этаже. На дверь смотрел пулемет и несколько легких стволов. Охранники настороженно ждали. А Михаил думал о Башне. О том, каким символом она была не только для всего района – для целого города. Чуть больше года назад, когда еще все было непонятно, страшно из-за неясности, Башню уже начали обживать. Укрепили, оборудовали энтузиасты, не верившие в эвакуацию и власти. Использовали сначала как эвакуационный пункт, потом как аванпост. В Башню шли люди – спасаться, жить, рожать. Тогда не было еще никаких комендантов, завхозов, и выжившим казалось, что все скоро кончится. В то время Башня, только-только ставшая сильной, слишком расслабилась.

После первого погрома пошли слухи, что небоскреб для жизни больше непригоден. Что те, кто напал, разорил его, выгнал или убил всех людей – сами обосновались там. Но рейдеры и охотники утверждали, что Башня пуста. И спустя пару месяцев при помощи экстренной комиссии из Железного города ее оживили снова. Людей было меньше, но работа кипела. Город уже был мертв, но в нем, в самом центре, вновь зарождалась жизнь. Башня снова согрелась, задышала. Соединяла районы с помощью радиопередач, посылала отряды на рейды, даже начала торговать с другими убежищами...

Михаил не смотрел на дверь. Он просто глядел в пол. Возможно, все, что сейчас происходит – правильно. Башня снова слаба. Люди гибли или уходили, запасы медленно, но верно шли к концу. Новые специалисты не успевали перенять все знания прежних. Оборудование изнашивалось. И все это – за один год. Возможно, сейчас – важный и нужный момент для Башни. Ее нужно очистить, чтобы те, кто придут сюда снова – сделали ее еще лучше.

Из-за грома и шума было непонятно, есть ли кто за дверью или нет. Михаилу казалось, что он слышит, как они, снизу, бегут вверх. Ломая решетки, пробивая шаткие гипсокартонные стены, снося целые комнаты. Бегут, толкаясь, в тишине. Только очень часто дышат. Бегут на запах, на шум. На страх. Но их здесь никто не боится. Боятся *других*. Тех, кто идет следом. Тех, о ком почти никто, кроме обитателей Башни и их союзников из Железного города, и не знает. Тех, кто сказал Михаилу холодное «Спасибо».

А может, все это ему кажется? Может, и нет никого? Пошутил кто-то в радиоэфире? И не стоят они сейчас за толстой стальной дверью, не смотрят на нее, не давят массой? А вдруг пройдет все, переждет Башня, выстоит?

Первого удара в дверь почти никто не услышал. Не услышал ни Михаил, направивший дробовик на серую сталь, ни охранники. Только престарелый вахтер, сидящий в первом ряду, разобрал скрежет о металл и зажмурился. А затем удары начали раздаваться чаще и чаще, громче и громче. Резанул по уху злой, безумный, истеричный гортанный крик, идущий прямо из-за двери, и ему вторили эхом десятки других глоток с нижних этажей. Не кажется. Все – правда.

Стрельба, одиночными, началась внезапно, очень тихо. И совсем не там, где Михаил находился и где ее ждал. «Обошли?» – пронеслось у него в голове.

– Правое крыло, санитарный зал, – тихо и сухо сказал кто-то из висевшей на груди вахтера рации. Истошно залаяли собаки. И уже громче и злее затрещали на этаже выстрелы.

Теперь Михаил бежал впереди всех. Мимо пробегали люди, толкая друг друга, что-то крича, путаясь и теряясь. Начинили пищать датчики – и тут же прекращали. Кто-то за спиной Михаила начал орать «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“...»

Охранники пытались закрыть стальные створки санитарного зала, наваливаясь на них. Два вахтера стреляли короткими очередями и одиночными в дергающуюся темноту за дверями, в мускулистые руки, в обезображенные ненавистью лица, в цепкие ноги. Из-за двери лазарета дьявольским хором доносились крики вломившихся в зал, и им тихо вторили вопли еще живых больных, которых рвали, бросали об стены, били лицами об пол. Им уже было не помочь.

Кровь за несколько секунд успела покрыть все, висела в воздухе. Раненая немецкая овчарка визжала от боли, но вгрызалась в горло упавшему и пытающемуся вползти в коридор силуэту.

Михаил выстрелил в темноту и почувствовал удар отдачи. Рядом с ним навалились на двери подоспевшие завхозы. Кто-то тоже начал стрелять, и на глазах коменданта шальная пуля одного охранника пробил шею стоящего впереди вахтера. Но никто этого не заметил. Крики ломившихся, полные злобы, были почти заглушены стрельбой и матом обороняющихся.

Михаил схватил ближайшего вахтера и прокричал ему на ухо:

– Гранату в помещение! Ну!

Ни тени сомнения. Никаких глупых мыслей о том, что там еще есть люди, а взрыв в помещении опасен. Вахтер, молодой парень, неопытно схватил гранату обеими руками и принялся возиться с чекой.

Мимо Михаила прошел, пошатываясь, какой-то мужчина с вырванной, висящей челюстью. Шаг, еще шаг. Упал. Санитары оттащили его за угол.

Вахтер вырвал чеку и, начав кричать как заведенный:

– Граната! Граната! Ложись, граната! – метнул ее в открытый проем.

Стрельба, еще стрельба. Уже ничего не слышно, и не видно из-за дыма. Кровь смешалась с дымом и висит в воздухе красным туманом. Дышишь – дышишь кровью. И вот волна разрывает дверной проем.

Взрыв разметал всех. Граната, судя по всему, не пролетела и нескольких метров, завязнув в комке из живых и мертвых тел. Отброшенный в сторону, Михаил лежал и ничего не слышал. Рядом упали еще двое, один случайно выстрелил из дробовика соседу в ногу. Еще кровь. Части человеческих тел, разбросанные вспышкой, вперемешку с осколками. Кто-то пытается уползти. Кто-то стреляет в темноту санитарного зала.

Михаил хотел вскочить и закрыть двери, но тело не слушалось. Комендант ничего не мог сделать, хотя очень хотел. Ни встать, ни повернуться, ни даже моргнуть.

Чьи-то руки схватили его за шинель. Но вместо того, чтобы оттащить назад, полезли внутрь, под одежду, нещадно дергая Михаила и тряся его. Склонилось окровавленное злое лицо дяди Коли, пошевелило губами, будто засмеялось в звенящей тишине. Руки нащупали КПК, вытащили его из кармана, а коменданта бросили назад, в кровь и тела.

Лицо инженера исчезло.

Михаилу не казалось, что прошла целая вечность. Наоборот, он успел только удивиться, как же все быстро происходит. Вот уже пробежали по нему ноги тех, кто пришел снизу – черные, горячие, босые. Вот погиб последний мальчик, пытающийся достать пистолет – это он бросал гранату или другой? Вот первая волна влилась в коридоры этажа, и стрельба и крики понеслись по всем коридорам. А ему казалось, что это всё – пара секунд.

Собравшись с силами и отбросив мертвое тело, Михаил встал. Он чувствовал, что весь промок в чем-то теплом, разном. С груди упали куски чьей-то одежды и тела. «Сайга» осталась болтаться на шее. Шатаясь, комендант попытался закрыть двери, с обеих сторон заваленные телами, но это было уже невозможно, да и бесполезно. За его спиной в дергающемся свете проскочил человеческий силуэт и умчался прочь. Звуков почти не было.

КПК.

Михаил неровно побежал по коридору в сторону лестницы, к штаб-этажу. На лестничной клетке на него кто-то неожиданно выскочил, и комендант тут же выстрелил. В ответ раздался жалобный крик и шум скатывающегося вниз по ступенькам тела. Свой? Чужой?

Уже неважно.

Казалось, бой идет везде, но только не там, где находился комендант. Всюду лежали тела жителей Башни и незваных гостей, но живых – живых уже не было. Пробежала собака, взвизгнула и ринулась быстрее вдоль стены. Свет мерцал, почти каждая лампа была забрызгана красным. Башня словно тряслась – или трясся сам Михаил.

Перед подъемом к штаб-этажу на полу сидел раненый – судя по лохматым волосам и почти обнаженному телу, один из нападавших. Он злобно, исступленно бил головой мертвое тело Вадима Николаевича о ступень лестницы и дергался из стороны в сторону. Из спины его хлестала кровь. Михаил остановился, шатаясь, и направил на него дробовик. На коменданта повернулось обезображенное, полное безумия лицо с окровавленным ртом и вперилось в него красными глазами. Михаил спустил курок. Выстрела не последовало.

Держащий за голову доктора безумец издал что-то, похожее на рык, и дернулся назад. Михаил замер. Тварь еще раз, как-то неуверенно, ударила голову об пол. Жуткий, холодный звук кости, касающейся бетона. Михаил не услышал его, а почувствовал. А затем тварь замерла, быстро и неровно дыша.

Михаил медленно двинулся наверх, глядя на врага. Безумный гость провожал его, следя за ним бегающими глазами, но все так же не двигался. Комендант, не соображая, дошел до двери, медленно достал ключ, только сейчас вспомнив про пистолет. Покрытый кровью безумец ничего не делал, лишь злобно, яростно дышал и дергался, словно ненавидел сам воздух. Михаил вошел и заперся изнутри.

В штаб так никто и не ворвался. Здесь просто никого не было. На столе все так же стояли бутылки, продолжала дымиться пепельница. Лишь перед центральным компьютером стоял спиной старший инженер. Неподалеку лежал КПК, подключенный к системному блоку сервера.

Судя по тому, что инженер даже не обернулся, скорее всего, его тоже оглушило взрывом. А может, он просто не хотел отвлекаться. Пощелкивая мышкой, измазанной в густой крови, Дядя Коля изредка нажимал что-то на клавиатуре. Через его плечо Михаил увидел программу управления генератором, написанную для них давно погибшим программистом. Зеленатое, схематичное изображение генератора, шкалы, цифры. Даже при обрыве главных линий контроль сохранялся с помощью запасного узла и сотен метров витой пары. В любую секунду инженер мог нажать кнопку и уничтожить генератор. Уничтожить Башню.

Комендант замахнулся дробовиком, держа его за ствол, и ударил старшего инженера по затылку. Тот упал, выпучив глаза, из его носа сразу пошла кровь. Он попытался схватиться за пистолет, но не смог и заерзал на полу. Михаил, опустившись прямо на инженера и прижав его к полу, сжал дробовик до боли в пальцах и занес его над головой дяди Коли.

За то, что пришлось соврать.

За то, что пришлось снять датчик.

За то, что не справился, не защитил.

За неуважение.

За все...

За то, что он, комендант, сегодня выдал сам, по глупости, местоположение Башни.

Михаил теперь бил не прикладом, а стволом. На последнем ударе «Сайга» выстрелила, и разmozженная голова инженера просто исчезла, а оружие вылетело из рук. Ослепший на мгновение Михаил отвалился к стене, но тут же протянул руку и схватил КПК. Вырвав его и уронив вместе с ним системный блок, он бросил прибор в сторону. На экране компьютера погас сигнал бедствия.

Слух медленно возвращался к Михаилу. В дверь стучали и что-то кричали. Может быть, это были свои, но проверять комендант уже не хотел. Убедившись, что генератор не работает и не загорится, он открыл потолочный люк, приставил лестницу и полез на крышу.

Буря словно рвала город на части. Ветер не свистел – он орал, как будто бы от боли орал сам город. Грозовой фронт сходил над рекой. Дождь болезненно бил в лицо. Молнии, вырывающиеся из низких туч, ударяли в здания, в воду, в остовы машин. Грохот стоял такой, что невозможно было услышать ничего другого. Башня ощутимо шаталась.

Михаил огляделся. Под почти сорванными ветром тентами еще лежали запасы сигнальных огней, которые должны были обеспечить навигацию железногорским вертолетам. Моментально промокнув и замерзнув, Михаил закрыл люк и двинулся к тентам. Добрался, ногой перевернул ящик. И в этот миг увидел – далеко, почти в центре города, – разметанные сигнальные огни на прибрежной высотке. Так вот куда сел «Авангард»... Жаль.

Михаил подобрал фальшфейер, зажег его и бросил в кучу, к остальным. Пусть знают, что Башня стоит, что не взорвалась, что выдержит.

Комендант не знал, что будет дальше. Он хотел еще раз окинуть город взглядом, поднять в себе какие-то чувства. Вдохновиться перед неизбежным финалом. Но единственным, о чем

он думал, было то, что это именно он, Михаил, виноват во всем, что случилось. Он сказал, проболтался в радиоэфире, зная, что его, скорее всего, прослушивают. Он подвел их всех. Как подвел тех, кого отпустил в Дом. Все его решения были ошибкой. Всегда.

Михаил стоял на краю площадки, с которой должны были забрать почти сотню человек сегодня днем, в последнюю неделю весны. Он стоял, и снова ненавидел. Но теперь он ненавидел не себя, дядю Колю или обстоятельства. Он просто, целиком, ненавидел всё без остатка. Не было отречения, искупления. Была отчаянная ненависть, граничащая с презрением. И еще была невыразимая усталость. Комендант сделал шаг. Дальше – только пропасть в дождь.

Люк на крышу открылся. В свете сигнальных огней показались фигуры. Михаил обернулся, мокрый, раненый, уставший и злой. На него медленно двигались трое.

Дошли все-таки, вслед за всегда бегущими впереди них безумцами. Прослушали, узнали. Еще одна их небольшая победа. Кто они? Да какая разница.

Не важно.

Михаил понимал, что сейчас ему нужно прыгнуть. Это было бы красиво, эффектно. И честно. Как капитан с тонущим кораблем. Картинно и зрелищно. Но у него уже не было сил. Он упал на колени, и вдруг все понял.

Понял, все это – неважно. Ему не нужно бояться и нервничать, нести ответственность и быть кому-то должным. Хватит с него отдавать, переживать. Он не хочет умирать. Башне эта его гибель не нужна, она ее не заметит – ей просто плевать на всех. Ей неважно.

*Они* медленно шли к нему. Их худые спокойные лица ничего не выражали. Только из-под капюшонов плащ-палаток, слишком спокойно висящих на таком ветру, блестели глаза. Они шли уверенно, твердо, словно ни ветра, ни грома не было. Им было все равно. Им тоже было неважно.

Когда они подошли почти в упор, Михаил посмотрел каждому в глаза, а затем протянул ближайшему руку. Ему помогли встать и повели назад, вниз, вниз, к выходу из Башни, брошенной, уже пустой и ждущей новой жизни.

Михаил спускался и понимал, что принял решение, которое до конца своих дней будет считать самым правильным.

*Конец*

\* \* \*

– Вы там как будто были... – скептически, медленно сказал после большой паузы Кислевский, окончив записывать все и в блокнот, и на диктофон.

– Я его знаю хорошо, – ответил Гришин и выпил вторую за вечер стопку. – Знал, в смысле. Кислевский, в начале рассказа угостившись водкой, пока ко второй не притрагивался.

– Кого, коменданта Башни?

– Ага. Слабый он был. Хотя деятельный.

– Как-то странно, чтобы слабый человек в Башне на главной должности сидел.

– А я думаю, Данила, после всего этого только слабые-то и остались.

Кислевский убрал блокнот, понимая, что история, которую он получил в совершенно неожиданном формате, окончилась, и потянулся в карман за пачкой сигарет.

– А мне кажется, что только сильные. Можно у вас курить?

Курить обычно было можно везде и всюду, но из вежливости Кислевский все же поинтересовался. Гришин, к его удивлению, без особой радости уставился на вытащенную сигарету.

– Сильные все, Даня, это теперь те, одуревшие. А мы – слабые. Ты вот слабый.

И он, кивнув на сигарету, вытащил из ящика стола большую пепельницу в виде рыбы, начисто отмытую.

– Кури уж, что.

Кислевский, уже неуверенно, потянулся в карман за спичками и, вспомнив, что отдал их Гришину, начал искать взглядом коробок на столе. Однако обнаружил он только горстку щепок, лежащих под пальцами собеседника. Тот, словно сам только заметив это, смахнул мусор в ладонь и бросил в картонную коробку под столом.

– Вот, на, – сказал он, протянув журналисту тяжелую зажигалку с косым отверстием для пламени. Кислевский прикурил, чуть не опалив нос длинной струей зеленоватого огня, и рефлекторно убрал зажигалку в карман. Гришин этого не заметил, или не придавал значения.

– Доложить бы надо, что ты приехал, – сказал он и пощелкал по клавиатуре ноутбука. – А связи-то нет... Опять оборвалось что-то. Сотовый ловит?

Кислевский поглядел на треснувший экран и помотал головой.

– Уже пару дней как беда с ней. А по рации вы можете?

– Не велено пока. Только проводами или сотовой, до особого распоряжения. Ну, подождем.

Кислевский пожал плечами.

– Все равно, как-то вы так... художественно рассказываете. Я узнавал детали, но там ни про генератор этот, ни про... в общем, там все... – Кислевский развел руками.

– Не так? – спросил Гришин. – Сухо?

– Ну да. Вот откуда вы можете знать, как он умер? И что к нему эти... – Кислевский слегка замялся, – холодные могли прийти?

Гришин слегка пожал плечами.

– Холодные? Неплохо. Ну давай будем считать, что это художественный вымысел.

– Нет, ну ладно, будем считать, но... Мне же не байки нужны. Мне нужны факты какие-то интересные, истории.

– А чем тебе не история?

– Ну вдруг вы ее выдумали? – спросил Кислевский, разгоняя висячий густой дым. Гришин тоже махнул, отгоняя табачную завесь от своего лица, и поморщился.

– Слушай, Даня, а что ты хочешь написать вообще?

– Я же говорил – некое такое...

– Некое, такое, – раздраженно перебил Гришин и налил себе еще водки, однако пить не стал. – Журналистика, типа, да?

– В целом, да.

– «В целом»... Язык у тебя, Даня, забит. В тексте тоже видно. Не журналистика, не беллетристика. Так, казуистика.

Гришин снова открыл листы с текстом Кислевского, чем вызвал у последнего сильнейшее раздражение. Датчик на шее журналиста издал недовольный писк. Гришин настороженно поглядел на гостя.

– Ты Пулитцера, что ли, хочешь получить?

Кислевский не нашелся, что ответить, и поглядел на Гришина с удивлением. «Казуистику» и «Пулитцера» он уже и сам успел позабыть.

– Вот ты, получается, у нас последний журналист, так?

– В целом... – начал Кислевский, осекся и нахмурился сильнее. Замечание простого сторожа о забитости языка его весьма задело.

– А зачем тебе быть последним журналистом, а не первым писателем?

– В смысле?

– Сиськи свисли, – хмыкнул Гришин и опрокинул стопку, недовольно и со свистом втянув носом воздух. – Вот ты читал много? Помнишь книжки, например, про войну? Про Великую Отечественную, или там, скажем, наполеоновскую?

– Помню.

– А сколько из них было написано прямо во время войны? По горячим впечатлениям?

Кислевский задумался и вновь пожал плечами. Вопрос показался ему провокационным и немного бессмысленным.

– Вы к чему это?

Гришин вместо ответа встал и молча вышел в соседнюю комнату. Послышался какой-то лязг, похожий на звон металлического подноса, и тихий мат. Через пару минут он вернулся, и, принявшись вытаскивать из дальнего ящика, служившего холодильником, консервы и галеты, наконец ответил.

– Людям, Даня, нахрен не нужны просто истории, факты про то время. Оно было-то вон, в прошлом году, считай. Они всё это помнят, до кошмаров. Им зачем документальные сводки?

Усевшись за стол и закрыв ноутбук, он открыл консервы ножом. Кислевский заметил, как трясутся его руки.

– А вот если ты не хронику писать будешь, а книгу, прям настоящую книгу, со всеми этими «он подумал, он посмотрел» – то это другое...

Гришин закашлялся, глубоко и хлипко, и, проморгавшись, продолжил:

– Другое дело. Прямо вот как есть. Будешь первым писателем своей «Новой эры».

– «Чужой».

– Ну да, ты понял, про что я.

– Но так я ж не писатель...

– Ну и не журналист. Кто у тебя редактор? Начальник отдела оповещения, Ермолаева? Или куратор штаба?

Кислевский протянул руку и взял стопку. Гришин положил несколько кусков безымянной рыбы из консервов на галеты, и поставил тарелку между ними.

– Ты журналистом вообще работал?

– Да, в «Проспекте Мира» и еще в паре мест.

– А вот теперь будешь ты не последним журналистом постапокалипсиса без редакции, а первым писателем. Тогда и в голимых сухих фактах надобность отпадет.

Гришин налил себе еще, а Кислевский наконец выпил и вернул на стол пустую стопку. Только сейчас он распробовал, что водка была с каким-то ягодным привкусом.

– Звучит как-то... амбициозно.

– А в мире, Даня, слишком мало людей осталось, чтобы можно было жить без амбиций.

На этих словах Гришин вновь встал и вышел из зала в соседнюю комнату. На этот раз не было его весьма долго, и заскучавший Кислевский тоже поднялся, осматривая захламленное помещение, а затем выглянул в коридор.

– А что за ватман, зачем? – крикнул он и немного смутился. Звук голоса оказался громче, чем ему хотелось.

– Это для фото. Всех, кто приходит, мы фотографируем – я или егерь. Рост пишем и имя, если говорят. Или клички.

– Даже тех, кого не пускаете?

– Их – в особенности, – сказал Гришин, возвращаясь. Теперь под камуфляжной курткой виднелась застиранная белая майка.

– А можно я вас сфотографирую? – видимо, вспомнив про собственный фотоаппарат, спросил журналист, но начальник общественной приемной живо замотал головой.

– Нет, нельзя. Я... не в лучшем виде. Не надо. Зачем тебе?

– Ну, для истории.

– Я еще не история. Обойдешься, – сказал он с усмешкой, и, усевшись в кресло, спросил: – Ты на склад сейчас пойдешь, или еще одну рассказать?

– Давайте еще одну.

## Клетка

Лето.

Резкий, неприятный звон будильника вырвал Ореха из тревожного сна. Он мгновенно открыл глаза и прислушался к телу. Как и вчера вечером, его все еще слегка подташнивало. За три дня размещения на борту «Циклопа» Орех так и не смог привыкнуть к временами набегающей качке и подступающей легкой тошноте.

Сияясь побороть очередной приступ, он сидел на своей койке, спросонья нервный и злой. Его злил не ранний подъем после трехчасового сна и даже не ставшая уже почти привычной тошнота. Злило его то, что вчера вечером старшина и капитан в один голос утверждали, что «Циклоп» подойдет к точке назначения в семь утра. На часах Ореха было уже 6.40, но никакого городского пейзажа за иллюминатором, забранным снаружи решеткой, видно не было. Судно, покачиваясь, шло в рассветном тумане погасив огни, словно в пустоте. Значит, опять придется ждать. Прятаться на воде и томиться в медленном ожидании момента, когда к берегу можно будет пристать без лишних рисков.

Это вот ожидание и злило Ореха.

Судя по тому, что никто не метался по палубе с тихой руганью, торопиться было некуда. Орех плотнул воды из фляжки и выпил таблетку, а затем снова завалился на койку. Закрыв глаза, он явственно ощутил, как сильно качается судно, с трудом прорываясь через буйную реку. Палубой выше кто-то громко затопал и начал методично ронять на пол что-то гулкое, а затем принялся вторить грохоту зычным басом. Орех мысленно пожелал неизвестному выпасть за борт и тут же заснул.

– Незнамов, подъем, твою мать! Охренел, что ли?! – на удивление мерзкий голос старшины вырвал Ореха из дремы. – Встал-оделся!

Старшина хлопнул дверью и пошлепал куда-то мокрыми ногами. Орех снова встал, и на этот раз его охватило чувство жуткой усталости. Тошнота отступила, хотя начала болеть голова. Часто моргая, он выглянул в иллюминатор. Снаружи, в слоях утреннего тумана, проплывали подъемные краны. Значит, судно уже в городской черте и с успехом миновало опасные руины, оставшиеся от моста «Трех Топоров». Ждать все-таки не нужно.

Старые, ржавые береговые конструкции напоминали жирафов и еще каких-то экзотических зверей, названия которых Орех не мог вспомнить. Они, казалось, пришли на водопой к могучей реке, да так и остались здесь, стоя по колено во взбесившемся Енисее. Пронзая ключья тумана, висели линии электропередач. Еле различимые, на берегу ржавели контейнеры. Торчал из воды сгоревший остов речного трамвайчика «Заря». От пейзажа веяло тоской и холодом.

Орех быстро оделся, умыл лицо пахучей водой из умывальника, прополоскал рот, подхватил свой рюкзак и поднялся на палубу.

Холодный утренний воздух и туман совершенно не прогоняли навалившуюся сонливость и головную боль – ту самую сонливость, которая заставляет ненавидеть весь мир, начиная с самого себя. От пронзительного ветра с реки Ореха сразу пробила неприятная дрожь. Он плюнул за борт, протер глаза, глубоко зевнул и огляделся. Видно было только ближайший, правый берег реки. Левый полностью тонул в тумане и низких серых тучах. Орех потянулся, хрустнул спиной и направился в столовое помещение. Раз уж опаздывают, так хоть поесть можно будет нормально, по расписанию. Завтракать он совершенно не хотел, но понимал, что в наступивший между приступами тошноты промежуток сделать это необходимо.

Боевой экипаж «Циклопа», все пятнадцать человек, уже сидели за столом. И делали самое мерзкое, что могли, по мнению Ореха, делать люди утром: шутили. Шутили просто, по-

солдатски, преимущественно на темы скабрзные. Орех за годы службы в десанте и Службе быстрого реагирования так и не привык к этому утреннему юмору. К тому же Орех не мог избавиться от легкой зависти – никого из молодых, энергичных, жадно поглощающих завтрак временных сослуживцев не тошнило.

– Незнамов! А кто на твоём лице спал?

И в таком духе.

То ли из-за хорошего настроения, то ли из-за желания поддержать Ореха перед заданием все разом обратили на него внимание с неожиданным дружелюбием.

В отряде к временно назначенному бойцу относились странно. Молодые солдаты явно его уважали, хоть и пытались скрыть это за колкостями и унылым юмором. Орех, который был старше большинства из них минимум лет на пять, со своим послужным списком в ВДВ очень быстро заслужил среди молодняка особое почтение. Впрочем, за это недолгое время к нему еще не успели привязаться – никто из младшего состава не знал, как долго он будет приписан к судну и чем толком будет заниматься. Потому Ореха приятно удивило неожиданное внимание сослуживцев этим утром.

В столовую вошли врач и старшина. Последний, окинув помещение хмурым мутным взглядом, по-утреннему хрипло гаркнул:

– Смирно!

Все встали со своих мест, построились.

– Приборы!

Бойцы быстро вытащили наручные КПК и принялись закреплять датчики на висках. Самый молодой из них, который только месяц как служил на «Циклопе», выронил устройство и тихо выругался. Остальные засмеялись.

– Тихо! – рявкнул неприятным голосом старшина. – Что, Губка, руки кривые совсем стали?

– Никак нет, – тихо произнес рядовой Губин и нацепил прибор.

Врач, азиат с изможденным лицом, из так называемых «китайцев», медленно прошел по строю бойцов и вколол каждому утреннюю дозу сыворотки, сверяясь с приборами. Датчики тихо, ровно попискивали. На Орехе он замешкался, так как тот был полностью одет, и немного повозился, закатывая рукав. Оценил показания датчиков.

– Опять спали мало, Незнамов? – поинтересовался врач.

– Никак нет, – произнес Орех, поглядывая поверх головы врача в иллюминаторы, за которыми был только туман.

– Ну как нет, когда да... Все еще тошнит? – уже без особого интереса, устало спросил врач, тоже глядя в сторону.

– Да всех от ваших уколов уже тошнит, – тихо пошутил кто-то в строю, и шутку поддержал негромкий смех.

– А ну тихо, петросяны хреновы! – буркнул старшина.

Врач ввел Ореху инъекцию значительно больше обычной. Перед глазами полетели блестящие, голова закружилась.

– Свободны, – сказал врач и медленно побрел назад, в коридор, откуда пришел.

Старшина проводил его до двери и повернулся.

– Так, троглодиты. Быстро все сожрали и пошли работать. Орех – после завтрака ко мне!

Очень уж Орех не любил свое прозвище. Точнее, даже не свое, а прозвища в принципе. От этого несло какой-то мальчишеской забавой, какими-то киношными шаблонами, дешевыми книжками фантастических циклов, которые раньше выставляли на витринах по двадцать в ряд. Ему очень нравилось свое имя, особенно когда его звали полностью, Виктором. Но мода давать

всем прозвища надежно укрепились в рядах СБР, да и за его пределами была в ходу. Некоторые считали, что тому есть веская причина, и даже приводили какие-то доводы на стыке парапсихологии и диванной социологии. Если бы это были хотя бы позывные, Орех бы еще мог их принять. Но клички – клички придавали всему налет какой-то нелепости.

Сам он Орехом стал еще в ВДВ, когда во время одного из неудачных прыжков умудрился выжить. Парашют вдруг скрутило у самой земли, и, пролетев метров тридцать, Незнамов камнем рухнул на землю. Сломал себе ногу и пару ребер, получил ряд травм поменьше. Командир, бледный как поганка, по дороге в санчасть держал руку на его лбу и приговаривал, что Незнамов сильный, что все нормально будет, что он крепкий орешек. А Незнамов лежал почти без сознания и гордился собой – в очередной раз проверил, что не слабо. Так за ним и осталось прозвище – сначала Орешек, а потом и просто Орех. В армии оно особо в ходу не было, а на гражданке так и вовсе исчезло. Но вот уже в СБР, после того как он рассказал о своем прыжковом опыте, прозвище внезапно снова ожило и пристало к нему окончательно.

Остальные из его сослуживцев к прозвищам относились проще. Из-за того, что в ряды СБР, уже после Коллапса, набирали совершенно разных людей, было там много простых гражданских. Половина бойцов из отряда Ореха еще год назад и оружия-то в руках не держала, а до всех событий ребята были, скорее всего, обыкновенными «пацанами с районов». Им, оказавшимся в армейской, даже псевдоармейской, среде, очень нравились все эти игры в клички и прозвища. Сказывались отголоски погибшей масскультуры.

Закончив завтрак, Орех поднялся, помыл посуду и пошел в каюту старшины. Протолкнулся через очередь из речников, ютившихся возле бойлера с кипятком. Вбежал вверх по лестнице, вышел на кормовую часть палубы, поглядел на тянущуюся позади судна белую пену, поднятую двигателями. Оглядел правый берег. Краны остались позади, и теперь вдоль кромки воды стали маячить силуэты складов. В какой-то момент Ореху показалось, что на берегу стоит человек, но приглядываться он не стал. Нет их здесь, не может быть. Потому тут и пристаёт «Циклоп».

В каюте старшины было накурено, но иллюминатор он, по понятным причинам, не открывал. Сидя за столом, он с силой нажимал пальцем в сенсорный экран потрепанного планшета и корчил недовольную гримасу.

Если Ореха, в силу его временного статуса, просто своим не считали, то старшину откровенно не любили. Он был довольно глупым и вредным человеком, который привык думать, что разбирается во всем если не лучше, то уж точно не хуже остальных. В обычной жизни он был невыносим – всегда всех одергивал, громко кричал, лез с советами. Была только одна сфера, в которой он признавал себя профаном – медицина. Поэтому перед врачом из китайского корпуса, сопровождавшим рейды «Циклопа», старшина всегда совершенно карикатурно заискивал.

За последние два дня старшина вызывал Ореха не менее пяти раз и детально рассказывал ему о боевой задаче, пережевывая, повторяясь, иногда путаясь. Неужели и сейчас, почти перед выходом, будет повторять?

– Готов, боец?

Старшина последний раз злобно поглядел в планшет, буркнул что-то и посмотрел на Ореха. Тот стоял по стойке смирно, но никаких «Младший сержант Незнамов...» не говорил. Не хотелось Ореху сегодня «выпячиваться» перед ним. В этот день имеет право.

Старшина нахмурился, но, ничего не сказав, указал Ореху на стул. Тот сел, поставив рядом рюкзак.

– Значит так, Незнамов. Со мной ночью связывались из Железки, есть новые директивы, – и он пододвинул к Ореху небольшой кофр, похожий на фотоаппаратный.

– Что это?

– Это, морпех, устройство. Сказано было – членам оперативной группы, то есть тебе, – старшина странно усмехнулся, – это устройство использовать.

«Морпех». Нелепейшее в нынешней ситуации слово, намертво засевшее в словарном запасе старшины по совершенно непонятной причине. Орех незаметно вздохнул, прогоняя просившуюся на лицо гримасу презрения.

Старшина с характерным хрустом открыл кофр и выложил на стол его содержимое – небольшую тактическую видеокамеру, микрофон, компактный жесткий диск с цифровым дисплеем.

– Это видеокамера, – посмотрев на старшину, констатировал Орех.

– Да, камера. У нас таких мало, это зарубежная. Очень хорошая. Закупалась для ФСБ, как я понял. Теперь такие еще не скоро делать будут.

Старшина, аккуратно подняв, повертел камеру в пальцах, со всех сторон ее разглядывая.

– Тебе задача – ее включить и все документировать. Вот к ней инструкция, – перед Орехом на стол легли несколько листов распечатанного текста.

– Прикрепишь себе на голову, тут вот ободок есть, как у датчиков наших, и все.

– А меня по ней не найдут, товарищ старшина? – спросил Орех, мельком взглянув на инструкцию и убрав ее в карман.

– В центре говорят, что нет. Приказ ясен? Снимай все-все. Даже как ты ссышь снимай, пусть порадуются. Тут вот она еще и звук вроде пишет. Будешь как этот... – старшина замахал в воздухе рукой, силясь вспомнить, – блогер!

Он явно был в восторге от прибора. Орех как-то занервничал. Нельзя сказать, что идея ходить и снимать его сильно смущала, но почему-то ему стало не по себе.

– А зачем это, товарищ старшина?

Старшина закурил, жестом предложил Ореху. Тот никак не отреагировал. Старшину это явно разозлило, и, повысив голос, он ответил:

– А мне почем знать, Незнамов. Сказано – значит делаем. Может, они кино хотят посмотреть. Скучно им там, может. Не наше дело. Приказ есть приказ! Свободен! И не проеби аппаратуру – она денег стоит!

Орех вышел из каюты и мысленно усмехнулся. Денег. Сколько слов осталось с того времени, бессмысленных теперь, но ввевшихся в язык. Каких денег мог стоить этот аппарат сейчас? Пары каких-нибудь услуг? Упаковки или ящика лекарств? Надежного автомата? Теперь у человечества была одна валюта на всех, универсальная, понятная на любом языке – жадность. Ей теперь можно было оценивать любой товар – от сигареты до вертолета.

По внутреннему каналу сообщили, что несмотря на внезапно спавшую воду, до места они дойдут через полчаса. Чтобы чем-то занять себя, Орех еще раз проверил свое снаряжение, и наконец его настроение слегка улучшилось. Уж чего-чего, а экипировки для него, отправляя на «Циклоп», не пожалели. Надежный, «элитный» А-91, шесть магазинов, «Грач» с поношенным уже, но пока еще рабочим глушителем и тремя дополнительными магазинами, пистолет-транквилизатор из зоопарка, три светошумовые и две боевые гранаты, планшет, веревка с карабинами, качественная разгрузка – настоящие, по нынешним временам, сокровища. Ожившая мальчишеская тяга к подобным игрушкам заставила Ореха улыбнуться. Упаковав все обратно, он заметил, что на столе осталась лежать выпавшая из бокового кармана рюкзака копия его характеристики, которую он предьявлял при подъеме на борт.

«Исполнительный, спокойный, уравновешенный. Четко следует приказам...» Орех вскользь выхватил взглядом несколько слов из текста, убирая помятый лист в стол.

Таким его теперь считали старшие чины на «Циклопе». Ознакомившись с характеристикой от СБР, они даже от Ореха не скрывали своей радости. После Коллапса любой, кто умел

держат в руках оружие, был ценен. А если он еще и служил в ВДВ, имел хорошую характеристику от МЧС или от ее правопреемницы – СБР, то такому человеку цены и вовсе не было.

Однако если бы новое руководство Ореха рассказало о такой характеристике его бывшим армейским начальникам, те бы долго хохотали. Орех всегда слыл непослушным, наглым, даже инфантильным бойцом, готовым оспаривать приказы, делать все по-своему и ходить по краю, обитателем «губы». Виктора Незнамова считали человеком, который в любой момент может запросто выкинуть что-то, чего от него никто не ожидает. Такие из армии уходят либо в госпитали, обгоревшие оттого, что упирали гранатомет в стену для усиления выстрела, либо в тюрьмы за убийство сослуживца. Незнамов всегда действовал словно бы на спор, и, разумеется, многим это не нравилось.

Даже в армию в свое время, еще до Коллапса, Орех пошел, словно пытаясь что-то доказать. Родные и друзья его были крайне удивлены этим решением. Все знали о его любви к незапным выходкам – но бросить учебу и пойти служить... Это казалось слишком даже для Виктора. А он пошел – просто чтобы посмотреть, сможет или нет. И смог. Попал в ВДВ, выдержал первые полгода попыток его сломать и поменять, да так и остался очень странным солдатом. Он вел себя так, словно служба для него была забавой, не больше. Ему постоянно вменяли в вину самодеятельность, инфантильность (хотя, конечно, не этими словами старшие чины отчитывали бойца), обвиняли в том, что он относится к службе как к развлечению. Но толку не было ни от обвинений, ни от взысканий, ни от побоев. Как была для Незнамова служба всего лишь еще одной проверкой себя на прочность, так и осталась.

Впрочем, Ореху в армии даже в чем-то понравилось, хотя наскучило куда раньше окончания службы. Отслужив, он никогда к своим армейским традициям не возвращался, китель и форму в августе не надевал, не пил с сослуживцами, не плескался в фонтанах. Даже дембельского альбома у него не было. Отслужил, проверил себя – и словно забыл. Забыл надолго, до самой катастрофы.

Но это было раньше.

Орех вытащил видеокамеру, оглядел её и закрепил над левым ухом.

Прилагавшийся планшет выдавал изображение, которое, впрочем, под лампочкой каюты было видно плохо. Орех покопался в настройках – функционал был хорош. Высокая четкость, стабилизатор, режим съемки в темноте. Какая-то военная версия экстремальной камеры. Выключив прибор, Орех сел на стул и закрыл глаза. Снова накатило желание спать, но откуда-то из глубины пришла тревога, и сон не шел. Ему совсем не нравилась эта затея с камерой. Интересно, кто это придумал? Руководство СБР? Или люди из института? А самое главное – зачем? Не может же быть, чтобы СБР решило его, Незнамова, проверить? Спустя почти год? Вряд ли...

Чтобы прогнать тревожные мысли, Орех вышел на палубу и снова огляделся. Окинув взглядом корабль, он поймал себя на мысли, что любит им так же, как и своим снаряжением – со странным мальчишеским восхищением. Все-таки судно, модернизированное и будто голливудским режиссером превращенное в настоящую декорацию для кино про мрачное будущее, при всем отвращении Ореха к качке, ему нравилось.

«Циклопом» назывался переоборудованный под экстренные нужды теплоход «М. Ю. Лермонтов». Такое прозвище дали ему бойцы СБР и рейдеры за огромный мощный прожектор, установленный на носу. Особенно эффектным выглядело появление «Циклопа» из туманов – низкого, мрачного, с пулеметными гнездами по бортам, ошестинившегося против всех и вся.

Сейчас «Циклоп» был самым мощным из переоборудованных гражданских судов, находившихся в распоряжении Железного города. Поддерживая наспех созданную безголосой пропагандой суровую репутацию Железногорска, «Циклоп» был обшит броней, снаряжен ору-

жием и укомплектован небольшой, но отлично обученной (по сравнению со многими другими мобильными единицами) командой. Судно регулярно выполняло длительные рейсы по Енисею вплоть до разрушенной ГЭС, разведывая, торгуя, посылая группы для контактов с другими местами, в которых обитали люди, и изредка увозя этих людей к местам, откуда их доводили до Железного города. Его экипаж по праву называл «Циклоп» кораблем, обижаясь на слово «судно» и грубо шутя про то, что судно у сказавшего – под кроватью. Могучий теплоход был одним из немногих символов оставшейся цивилизации. А значит – и частью идеи о том, что все еще может стать хорошо.

КПК на запястье трижды провибрировал. Значит – гасим свет, глушим звук. Подходим к берегу.

Орех схватил вещи и вышел на корму. Четверо матросов и двое его сослуживцев, экипированные далеко не так эффектно, подготавливали резиновую лодку к спуску. Берег был совсем близко. Орех довольно долго изучал старую распечатку карты «со спутника» (хотя в уголке мятой страницы постыдно мелькал известный в прошлом логотип одного из интернет-поисковиков) и все равно не мог понять, где они причаливают. Всматриваясь в туман, чтобы хоть как-то сориентироваться, он увидел вдалеке силуэты покореженного, деформированного моста, значившегося на картах «Октябрьским». Яснее ему стало ненамного. Он отошел назад, оглядываясь в поисках места, куда можно было суеверно присесть.

Часть дощатой палубы на корме занимала клетка, больше похожая на гроб. На двух висячих замках, узкая, она слегка торчала из-под брезента. Ореху вновь стало не по себе. Именно из-за этой клетки ему сейчас придется идти в почти незнакомый, мертвый город. Точнее, из-за того, кто должен был в ней оказаться.

Неделю назад институт сделал запрос на поиск и отлов. Обычно это означало, что все возможные эксперименты и тесты над предыдущими пойманными подопытными завершены, объекты устранены, особых результатов не получено. Об институте ходили разные мрачные слухи – об испытании нового оружия, об экспериментах по контролю над сознанием, о маньяках-врачах в окровавленных фартуках, оживляющих трупы. Наличие так называемого «китайского корпуса» – блока ученых, вроде как бежавших на транспортном самолете из КНР и волею судеб занесенных в Сибирь, – только добавляло мрачной интриги. Но, подобно подопытным, эти слухи так же быстро исчезали, как и появлялись. Институт со своей мрачной репутацией умудрился запустить фармакологическое производство – за это ему были бы готовы простить и большее, нежели просто слухи.

Однако в этот раз задача была другой. Именно поэтому Орех и был теперь на «Циклопе». Ему предстояло в одиночку направиться в опустевший Красноярск и привезти объект оттуда. Почему именно так, с какой целью? Неужели нельзя было просто отловить нужного больного в окрестностях Железного города? И почему оперативник должен быть один? На эти вопросы Ореху ответили ясно и четко: «Приказ есть приказ». И Орех это принял послушно, хотя раньше, еще в армии, завалил бы всех вопросами, начал бы обсуждать и сомневаться. Но это было раньше... А теперь он спокойно и покорно выполнял приказы, и именно поэтому его и вызвали.

Позже, уже на «Циклопе», ему выдали более подробную информацию. Стало понятно, почему на эту странную операцию требовался всего один оперативник. Это было условие стороннего человека – того, вместе с кем это задание будет выполняться. Человека, который, по собственным заверениям, уже отловил нужный объект.

Условие рейдера по прозвищу Хорек.

Лодку спустили на воду. Речники налегли на весла, сослуживцы переглядывались. Орех вспомнил вчерашний разговор в раздевалке с двумя матросами. Никто, как выяснилось,

не хотел бы оказаться на месте Ореха. Пойти с ним вызвались бы многие, несмотря на отсутствие знакомства. А вот пойти одному – нет. Вчера это тешило самомнение Ореха. Сегодня он их прекрасно понимал. Снова подступила тошнота.

Аккуратно лавируя между торчащих из воды кусков металла и бетона, лодка шла к берегу. Туман летел над ними как плотный сигаретный дым. Орех ощутил вонь. Впереди, левее, сквозь туман, вырисовывались мощные руки крана и огромный угольный отвал. Где они? В какой части города? Орех совсем потерялся. Красноярск он знал плохо еще до всех мрачных событий, бывал в нем редко. Теперь же это был совсем чужой город.

Вода дурно пахла и выглядела не лучше. Вдоль укрепленной береговой линии на разной высоте виднелись желтые следы от уровня прилива – наглядная демонстрация беспокойного летнего Енисея. В самой воде, в коричневой прибрежной пене, плавал мусор, источая отвратительный запах. Орех разглядел очертания нескольких гниющих тел, облепленных полиэтиленом и аккуратно утрамбованных течением в одну массу. Полуфабрикат для червей.

Один из матросов помахал рукой, указывая остальным куда-то в туман. Через секунду они увидели свисающее с высокого забора на берегу колесо от автомобиля, сплошь обвязанное белыми ленточками. По директиве это был знак. Их ждал Хорек.

Последние два дня Орех много думал об этом Хорьке, силясь себе его представить. Ему было интересно, кому из рейдеров институт оказал такое доверие и, самое главное, почему. Рейдеры редко пользовались расположением руководства, несмотря на нелепый романтический образ и совершенно конкретный образ жизни.

Подобных иллюзий насчет обитателей Мертвого города Орех не питал. Ему уже пришлось их видеть раньше – сбившихся в кучу, толкающихся, грязных, вооруженных и злобных. Капитан «Циклопа» Озеров, с которым Орех беседовал по поводу задания, тоже был о них невысокого мнения. По его словам, это были ненормальные бомжи, заряжающие аккумуляторы и меняющие самодельные карты и разные запчасти на еду, боеприпасы и медикаменты. Они напоминали помесь нищих с террористами – неприметные заросшие мужчины средних лет. Все слухи о том, что они умеют становиться невидимыми и прочее, капитан даже обсуждать не хотел. Однако попадались среди них и действительно колоритные персонажи. К примеру, Озеров рассказывал, что совсем недавно, этой весной, появился один очень старый рейдер, который менялся исключительно на книги. По словам капитана, первое, что он обменял, была его собственная, написанная на бумаге рукопись. И обменял он её на очки и несколько гелевых ручек. Впрочем, о чем была эта книга, капитан Озеров не знал – прочитать не успел, потерял где-то.

Рейдеры были людьми странными. Они зачем-то предпочитали жуткий, апокалиптический быт спасению и какой-никакой, но цивилизации. Группами тоже не держались, встречаясь редко и нерегулярно. Орех думал, что их должно быть очень много. Ведь не исчезли они за это, пусть и недолгое, время, которое прошло с окончательного осознания, что прежний мир бесповоротно потерян. Живут как-то – грязные, нервные, осторожные.

Однако Хорька Орех себе представлял иначе. Образ этого рейдера складывался в голове, собираясь из разных фильмов, книг, компьютерных игр. Таких обычно рисуют на обложках посредственных книг про нашествие зомби. Он должен обязательно быть суров, молчалив, высок, по-отечески внимателен, но строг. И хотя рейдеры обычно не курят, Хорек, разумеется, курил, смачно и дымно. Безусловно, на его плече висит СВД или какая-нибудь версия карабина, а сам он одет в маскхалат. И, конечно, он из тех, кто умеет «уходить».

Орех совершенно не знал, почему представляет его так. Но в глубине души он надеялся встретить именно такого.

Лодка пристала к берегу. Все тихо зашептались, решая, как они пойдут. Орех настоял на том, чтобы его сопровождали. Черт его знает, они опоздали довольно сильно – может, нет

уже никакого Хорька. А стоять на берегу, в тумане, на территории верфи Ореху в одиночку не хотелось.

Втроем они вылезли из лодки и поднялись по насыпи наверх. Всюду валялся уголь и листы ржавого металла. Орех все ждал привычного состояния, когда всякий страх и нервозность отступят перед обычной боевой собранностью и заученными действиями, но этого не происходило. Утешался он лишь мыслью о том, что теперь, впервые за неделю, под ногами нормальная, твердая почва. А значит, скоро он попросается с тошнотой, хотя бы на время.

Они перелезли через поваленный бетонный забор и вошли на территорию заброшенного промышленного объекта. Впереди, в тумане, виднелись пустые огромные помещения. Во дворе стояло несколько машин, от которых остались только кузова. Место выглядело разоренным, как, впрочем, и все вокруг.

Один из спутников Ореха достал сигарету, покрутил в руке, а затем убрал обратно.

– Они с ним как договаривались? – спросил он негромко.

– Да откуда мне знать. На семь часов они с ним договаривались. А сейчас, – Орех взглянул на КПК, – уже почти девять. Может, он уже ушел...

– Вряд ли ушел, – тихо сказал второй и снял рюкзак. Аккуратно вытащив из него пластиковый серый контейнер, он протянул его Ореху.

– А это что? – спросил Орех, тоже тихо.

– Будто я знаю. Врач, кореец или кто он там, сказал, передать. Типа, этот рейдер попросил. Лекарство, наверное, или наркота, – и солдат потряс контейнер возле уха.

– А ну не трясись! – громко, неожиданно гаркнул кто-то из росших неподалеку кустов.

Все трое среагировали моментально. Рефлекторный разворот, на колени, на прицел. Щелкнули предохранители. Чудом что не открыли стрельбу.

– Да ладно, тихо вам.

Что-то зашуршало, и из-за куста, растущего рядом с проржавевшим КамАЗом, вышел человек. Ни маскхалата, ни суровости, ни высокого роста. Ну, хоть СВД есть.

Вышедший оказался стареющим, почти седым, небритым, на вид лет под пятьдесят человеком. На нем была темно-синяя куртка с капюшоном, почти такого же цвета спортивные штаны. За спиной висел объемный рюкзак, на боку которого крепился какой-то неопознаваемый пистолет-пулемет, а в левой руке была винтовка.

– Ты Хорек? – спросил один из спутников Ореха.

– Для вас, ребята, я – Харитошин Владимир Семенович, – подходя, сказал человек и усмехнулся. – Да я это, я. Не тычь в меня, в бабу свою тыкать будешь.

И он оттолкнул автоматный ствол, смотревший ему в грудь.

– Датчик есть? – спросил Орех и опустил автомат. Остальные сделали то же самое.

– Пищалки эти? На кой хер они мне? – хрипло отозвался Хорек и стал разглядывать бойцов, прищурившись.

Орех тоже внимательно его оглядел. Карманы чем-то набиты, на бедрах в самодельных ножнах – два армейских ножа. Биноколь и респиратор на шее. Туго набитый рюкзак. Штаны по колено в грязи, обувь из-под слоя грязи даже не видно. На фоне хорошо сложенных бойцов с «Циклопа», полностью одетых в чистую черную спецодежду, рейдер смотрелся убого. И запах – неприятный запах немытого тела и давно не стиральной одежды.

– Дай-ка это сюда, – сказал Хорек и забрал из рук бойца серый контейнер. Приоткрыл, пересчитал, молча проговаривая губами цифры. Считал долго. Закрыл.

– Кто тут из вас Орех? – спросил он и снова с прищуром поглядел на всех.

Бойцы кивнули на Незнамова. Он, в свою очередь, произнес:

– Виктор я. Незнамов.

Хорек оглядел его, кивнул и сказал:

– Да я не запомню.

Все стояли как-то нерешительно. Хорек немного помялся, повернулся к одному из бойцов.

– Дай-ка мне сигаретку, брат.

Сослуживец Ореха немного подумал и протянул Хорьку открытую пачку.

– А знаешь, что? Дай-ка всю.

Боец нахмурился, недовольно буркнул.

– Да ладно, не жопься. У вас их на вашем пароходе ящики лежат, я знаю. Не жадничай, брат, – довольно громко сказал Хорек. Так громко, что эхо звякнуло от борта КамАЗа. Орех и остальные напряглись.

– Да не бойсь, тут нет никого. Они тут не ходят, – безразлично сказал рейдер, протягивая руку к сигаретам. Боец отдал Хорьку пачку.

Орех попрощался с ними, и как-то внезапно тепло попрощался, совсем по-дружески. Они тоже глядели на него сочувственно и добро. А затем развернулись и ушли. Забулькали весла, отчалила лодка. Все случилось до странного неожиданно и быстро.

Ореху опять, уже который раз за утро, стало не по себе, а собранность, которая обычно возникала во время любой операции, не приходила. Зато вернулась тошнота, и, что было хуже всего – качалась под ногами почва.

Хорек поставил рюкзак на бочку и принялся упаковывать в него контейнер, предварительно вытащив из него и убрав во внутренний карман что-то небольшое, похожее на ампулу. Под синей курткой у него был потрепанный легкий свитер. Закурил.

Орех подошел к нему. Без стоящих рядом ребят пропала последняя уверенность и спесь. Все-таки рейдер, и пожилой человек.

– Я думал, вы, не курите...

Хорек повернулся на него, прищурился одним глазом из-за дыма. Сигарета торчала во рту.

– Кто «вы»?

– Ну, рейдеры.

– Рейдеры – это кто ларьки отжимает у лохов. Может, они и не курят. А мы, Владимир Семеныч, курим.

Орех этим объяснением не удовлетворился, нахмурился. Манера говорить у Хорька была какая-то блатная, неприятная. На пальцах левой руки под слоем грязи виднелись тюремные «перстни».

– Да брось, брат. От вашего парохода вонь такая, что они бы тут уже в три ряда стояли, если бы запах доносил. Не ходят они сюда. Расслабь мышцу.

Сделав ударение на последнем слове, Хорек застегнул рюкзак и поставил его на землю.

– Ладно, давай. Чего надо делать? – спросил он у Ореха, все так же хитро щурясь. Орех заметил выцветшую татуировку «Вова» на правой ладони.

– Вы должны знать, – не очень уверенно сказал Орех, укорив себя за интонацию. Все же он оперативник, профи. Почему так размяк? Из-за тошноты?

– Я-то знаю. А вот ты знаешь? Давай, скажи мне, чего вы сюда приперлись.

Орех не мог понять – то ли рейдер над ним издевается, то ли что-то тут не так. Датчика у Хорька нет, а свои уже ушли. Может, это вообще ловушка? Впрочем, ничего действительно секретного в его задании не было.

– Отправиться вместе с вами к пойманному объекту, взять объект, доставить к месту высадки, покинуть город, – медленно, озираясь по сторонам, пробормотал неточно заученные формулировки Орех.

Хорек, слушая, кивал, а затем вдруг засмеялся каким-то высоким, едким смехом, похожим на смех Бабы-Яги из старых советских фильмов. Отошел от Ореха, заглянул в кабину КаМАЗа.

– Как я это ваше все люблю, – гулко донеслось оттуда. – Все эти «объекты», «сопроводить», «доставить»... Ух!

Не найдя ничего, Хорек вылез из кабины.

– А я тебе по-русски скажу. Идем до автозака, берем его, тепленького, и тащим назад. А потом, – он надел рюкзак и перевесил винтовку через шею, – потом я с вами пойду, в Железку.

Орех шел за рейдером через бесчисленные промышленные помещения в полутьме и не мог разобраться. Были бы вокруг еще напарники, ему было бы все равно – проводник и проводник. Но здесь они вдвоем, и ему нужно было понять – насколько можно доверять этому человеку. А вдруг он предатель? Или просто завалит всю операцию? Вдруг он даже просто умрет от сердечного приступа? Последнее, впрочем, казалось маловероятным.

Орех строил в голове какие-то мрачные перспективы и вдруг понял, что же его тяготило. Хорек оказался каким-то неправильным. Он шутил, постоянно что-то комментировал, что-то вспоминал. Обращался к Ореху исключительно «Брат» или «Ореша» и злил его этим еще больше. Весь Хорек был каким-то не таким – не архетипичным рейдером и не тем суровым мужиком, которого Орех ожидал здесь встретить. Он был из того типа комично-неприятных веселых старичков, которые тебя раздражают, но злиться на них всерьез просто не получается. А еще он когда-то сидел в тюрьме, возможно, не раз. Из-за этого Орех нервничал сильнее всего.

По заброшенным строительным цехам они шли неожиданно долго. Хорек постоянно на что-то отвлекался, копался в попадавшихся механизмах и автомобилях, отодвигал какие-то двери и, ничего не находя, матерился без серьезного сожаления, просто по привычке. Призывал идти дальше и резво лавировал среди мусора. Орех тоже поглядывал по сторонам, но в мусоре ничего не искал. Его продолжало мутить, и казалось, что даже здесь земля качается под ногами. Настроение было совсем паршивым, и снова потянуло в сон.

– Стой, стой! Пшш! – зашипел ему в спину Хорек, когда Орех собирался выйти в дверной проем из очередного цеха на улицу.

Орех остановился сразу, с занесенной ногой. Хорек подскочил к нему и просто невежливо дернул назад. Орех потерял равновесие и упал на кучу вонючего, слежавшегося в камень, тряпья, непонятно почему находящегося здесь.

– Куда прешь, сука! – тихо, но очень зло, неожиданно зло прошипел на ухо Ореху рейдер и медленно подошел к проему.

Сонливость мигом пропала. Орех встал и отряхнулся. Хорек аккуратно высунул голову наружу и начал оглядывать стены. Затем хмыкнул, протянул руку куда-то за угол, чем-то щелкнул.

– Нормально. Не работает.

Затем он подошел к Ореху и быстро, тихо заговорил:

– Слушай, брат. Это ты у себя по пароходу бегай как сайгак. А тут ходи только за мной, усек? Слушай, что я говорю, и делай, как я говорю. Солдат ты или где? – прошипел он, и внезапно довольно дружелюбным тоном закончил: – Ни тебе, ни мне проблемы не нужны, да же?

Орех посмотрел на дверной проем. Его охватило чувство, что все это было слишком шаблонно. Подобные сцены в фильмах он видел кучу раз и сам представлял нечто похожее. Всегда было интересно – почему же никто не скажет заранее «Туда не ходи», почему они делают это именно в последний момент? Он еще раз отряхнулся и посмотрел на Хорька. Может, он специально это сделал? Да, прямо как в кино. Только выглядело не так эффектно.

– Это что, ловушка там была? – спросил Орех, оглядывая проход в попытке понять, что здесь вообще могло указать на опасность.

– Угу. Сигнальщик. Так что не нужно тут самодеятельности.

– А почему сразу не сказали? – повернулся Орех.

– Так я ж не привык, что ты дурак, – смешливо сказал Хорек и вышел на улицу. – Теперь буду знать.

Про всякие ловушки Орех знал из рассказов тех, кто приходил из городов, в основном от красноярских. Рейдеры, копатели, жители укреплений и поисковые группы постоянно ставили всякие ловушки, кто во что был горазд. Ставили их против тех, кто раньше жил на этих улицах, а теперь таился среди развалин, ставили против мародеров или просто так, из бессильной злобы. Перекрывали пути отступления или заменяли ими дозорных. В общем, ставили их затем, зачем обычно ставят ловушки. Чаще всего рейдерские капканы оборачивались вредом для самих рейдеров, нередко для тех же, кто их и поставил.

Впрочем, были рассказы и про другие ловушки, поставленные вовсе не рейдерами или обитателями укреплений. Рассказы жуткие, помноженные на страх и отчаяние. О криках, которые несколько часов разносятся по району, пока на них наконец-то не сбегутся десятки озверевших. О совершенно чудовищных макабрических механизмах, рассекающих человека напополам, и о ямах, кишаших голодными крысами.

Свои ловушки рейдеры, по их собственным словам, старались помечать. Восклицательными знаками, крестиками из изоленты, надписями. Но так как никакой системы не было, привыкший было к восклицательному знаку рейдер с легкостью гиб от какого-нибудь крестика.

И ведь все равно ходили люди, искали, копались, пытаясь выживать.

Орех брел за Хорьком через заброшенные, заросшие всего за год дворы. Тошнота постепенно начала пропадать. Старые дома, пустые и нелепо разноцветные, окружали их. Пару раз Хорек показывал ему на разные знаки, шепотом объясняя, что там могут стоять ловушки – «хитрушки» или «подлянки», как называл их рейдер. Орех нервно кивал, а сам думал о том, каким город может стать в будущем. Появятся ли какие-то единые системы? Скорее всего, рейдеры дадут названия всяким разным ловушкам, обретут свой сленг. Различные места города будут названы ими как-нибудь необычно. Появится своя мифология, городские легенды образца новой, чужой эры. Родится все то, к чему готовило общество массовая культура. От таких мыслей несло какой-то приятной литературной пошлостью. И Ореху внезапно подумалось, что он видит будущее этого города каким угодно, кроме нормального, человеческого будущего. Раньше мысли о возвращении людей сюда казались ему очевидными и правильными, но сейчас, в мертвом городе, все они стали бесконечно наивными. Город был чужим. Людям он уже не принадлежал, как в полном смысле не принадлежали людям до Коллапса руины античных городов.

В один момент, шагая через детскую площадку, они остановились, и Хорек, присев, долго смотрел в арку, ведущую на улицу.

– Нет, обойти надо. Говно какое, – буркнул он негромко и сплюнул.

– Ловушка?

– Нет. С ума посходим там щас. Обойдем, – и, не пояснив больше ничего, он развернулся и зашагал назад.

Им пришлось сделать большой и непонятный крюк, и через полчаса медленных зигзагов они наконец подошли к небольшому заросшему парку. Неподалеку возвышались осветительные вышки стадиона, на которых все еще болтались выцветшие флаги МЧС и под ними – растяжки с надписями «Охраняемая зона. Эвакуация». Становилось жарко.

Пройдя через цветущий, ароматный парк, они вышли к зданию старой городской больницы №20. Хорек перелез через покосившийся забор, Орех сделал то же самое. Ему было

непонятно и интересно, почему они не прошли напрямую, но спрашивать Хорька не хотелось. К тому же тот перестал шутить, бегать вокруг, стал как-то собраннее. Наверное, для этого есть причины. Значит, не нужно задавать вопросы. Просто исполнять. Как всегда.

Во дворе больницы когда-то развернулись любопытные события. Об этом можно было судить по оставленным здесь автомобилям, оборудованию, следам на стенах и асфальте. Вот кто-то пытался уехать на машине скорой, которая вписалась в забор, да так и осталась стоять. Вот кого-то, видимо, расстреливали, судя по следам пуль и коричневым пятнам на желтом кирпиче. А здесь разгружали медикаменты – пустые ящики лежали кучей, напоминая гробы.

Живое и подстегиваемое тошнотой воображение Ореха рисовало жуткие картины, происходившие в разное время, накладывающиеся одна на другую. Прием раненых, эвакуация больных, кризис, зачистки. Коллапс. Орех уже видел это, только город был другой.

Перед входом в больницу, прямо на лужайке, стояли три больших грузовика с какими-то огромными стальными баками на них, похожими на печи.

– Что это? – неожиданно громко спросил Виктор Хорька, который остановился рядом и рыскал по карманам. Тот злобно поглядел на него.

– Может, еще споешь, брат? – тихо прошипел рейдер.

– Пардон, – прошептал Орех.

– Гандон. Помоги лучше, ключи провалились в дырку, – и рейдер указал на карман своей куртки, позвонив ключами, упавшими в подкладку. – Руками не достать.

Он показал Ореху пальцы – желтые, узловатые, с неприятными «перстнями». В памяти Ореха всплыли слова «артрит» и «подагрический», хотя он не помнил точно, что они значат. Орех встал на одно колено и принялся доставать связку из плохо пахнущей старым грязным телом куртки.

– Это печки, – прошептал сверху Хорек.

Орех прервался и еще раз поглядел на три больших, уродливых, закопченных грузовика.

– Крематории, что ли?

– Угу.

– А зачем три сразу? – прекрасно зная ответ, спросил Орех, продолжая выуживать ключи.

– Ну дак никто ж тогда не знал, что происходит. И что делать. А делать надо было что-то, чтобы видимость создать. Вот кто-то умный и пригнал сюда эти буржуйки для людей. Дым такой стоял, брат, что ух – мама не горюй. И вонь. Жгли все подряд. И тела, и вещи, и... Хотя потом воняло хуже. Когда весь город протух от трупов... И крысы еще.

Орех вытащил ключи, протянул рейдеру, и вдруг нащупал в подкладке что-то еще.

– О, спасибо, – рейдер взял ключи. – Не могу зашить, суку, все время туда что-нибудь проваливается...

Орех же выудил из подкладки шприц-тюбик серого цвета без каких-либо маркировок – именно его рейдер вытащил из привезенного бойцами контейнера. Хорек тут же его вырвал его из рук Ореха, расстегнул куртку и осмотрел внутренний карман.

– Вот ведь мразь, а. И этот прорвался, – сказал он, осматривая ткань, а затем убрал шприц куда-то в штаны.

– В общем, пожгли они, пожгли, а потом стало ясно, что этим делу не поможешь. Но тогда и не осталось никого уже. Ладно, пойдем. Я жрать хочу, со вчера еще не ел.

Рейдер подошел к куче мусора, лежащей на углу здания, и принялся медленно ее разгребать. Орех оглядывался, продолжая рисовать у себя в голове картины прошлого, добавляя к ним обстоятельства работы самодельных передвижных крематориев. С востока город заливало ярким, белым светом. Виктор поймал себя на мысли, что было бы неплохо сделать пару фотографий пейзажа больничного двора. И сразу вспомнил.

Камера.

Он чуть отошел и вытащил инструкцию из кармана. Просмотрел, оглянулся. Хорек все так же медленно разбирает завал. Орех достал само устройство, на которое должна была вестись запись, прикрыл рукой экран от света, включил. Сигнал пошел.

И, будто по сценарию, в этот же момент со стороны большой улицы, лежащей в двух кварталах, донесся звук, который Орех вовсе не ожидал услышать – это был нарастающий гул автомобиля. Обойдя передвижной крематорий, он аккуратно выглянул, чтобы увидеть дорогу. Несколько секунд всматривался, а затем увидел движение.

Вдали, по бесконечному проспекту «Красноярского рабочего», лавируя между остовами машин, неся какой-то чудовищный гражданский джип. Были ли в нем люди или нет, Орех не разобрал, но явственно увидел на крыше пулемет, болтавшийся из стороны в сторону. Машина за секунду пронеслась и скрылась из поля зрения, но гул слышался еще очень долго.

Орех нахмурился. Как-то это совсем не вязалось с его представлениями о городе. Днем, по центральной улице, проезжает автомобиль. Зачем? Куда? Кто там, за рулем? Рейдеры?

И вдруг, преследуя джип, но явно отставая, на дороге показались фигуры. Издалека было не видно точно, как они выглядят. Они бежали тихо, не издавая звуков, огибая препятствия или перескакивая через них. Десяток, второй. Орех замер. Ему стало страшно. Эти силуэты он уже видел не раз.

Фигуры бежали неровно. Кто-то отставал, кто-то вырывался вперед. Вдруг двое из тех, кто бежал в самом конце, совсем остановились, прямо посреди улицы. Орех, несмотря на то, что до силуэтов было очень далеко, спрятался за грузовик и тихо отошел к Хорьку. Тот уже закончил и выглядывал из-за угла.

– Там... – начал было Орех шепотом, но Хорек злобно замотал головой и потянул на себя.

Под разобранным завалом оказалась дверь в подвал с хорошим навесным замком. Хорек приложил палец к губам и принялся подбирать ключ из вытасченной связки.

Орех почувствовал, как подступает к горлу тошнотворная нервозность. Ему стало стыдно за это – у него отличная подготовка, и в неприятных ситуациях он уже бывал. Но всегда – не один, со знакомыми людьми, на которых можно было положиться. Здесь же был только Хорек, и Орех прекрасно понимал – рисковать собой рейдер ради него не будет.

Где-то внизу по улице, совсем недалеко, что-то упало и покатилося с металлическим звуком. Орех встряхнулся и прижал автомат к плечу. Хорек же тихо провернул найденный ключ в замке и, бесшумно открыв дверь, кивком приказал Ореху заходить.

Из-за запертой двери с улицы звуков слышно не было. Изнутри она была обита толстым слоем поролона и поглощала все звуки.

Орех и Хорек расположились в большом грязном больничном подвале и сидели молча, в свете фонарика. В полутьме Орех насчитал как минимум три коридора в темноту. Хорек вел себя спокойно. После утренней летней жары было холодно.

– Вот ведь козлы, а? – сказал рейдер.

Голос прозвучал удивительно громко. После долгой тишины Орех от этого скрипучего голоса даже дернулся.

– Блин, вот солдатики пошли! Ты там не обоссался, брат? – хихикнул Хорек, и, положив на грязный пол свой рюкзак, принялся в нем ковыряться.

Орех ничего не ответил.

– Покури, расслабься. Все норма.

– Я не курю.

– Ну вы даете... Вас там теперь хоть мясом-то кормят, в этих ваших службах? – Хорек включил электрическую лампу и с издевкой поглядел на Ореха. Тот промолчал, выключил свой фонарь и огляделся.

Помещение было грязное, захламленное, но обжитое. В углу лежало несколько больничных матрасов с номерами, поодаль стояли огромные кастрюли с надписями «№1» и «№3». Валялись куски проволоки, какие-то микросхемы от очень старых компьютеров, стоял наскоро собранный верстак – классическое, в представлении Ореха, убежище рейдеров. Интерьер его отчего-то немного успокоил.

Хорек скинул куртку, потянулся, открыл крышку кастрюли «№3» и попил оттуда воды.

– Ты тут живешь? – спросил Орех тихо, и как-то ему не понравилось это «ты». Может, «вы»? Возраст все-таки.

– Иногда. Я много где живу.

– А там что? – спросил Орех, указав рукой в один из коридоров.

– А хрен его знает, – безразлично ответил Хорек и принялся что-то искать в ящике под верстаком. Затем снова лукаво взглянул на Ореха.

– Да шучу я. Там дальше все нормально. Не набегут. И не услышат. Если снова визжать не будешь, – Хорек захихикал.

– Очень смешно, – несобранно огрызнулся Орех.

Хорек повозился еще с минуту и подошел ближе, разглядывая бойца.

– Слушай, ты завтракал?

– Да, спасибо, – ответил Орех, хмуро глядя в сторону. От вновь подступившей тошноты думать о еде было неприятно.

– Блин, и правда – воспитанный такой, – Хорек опять хохотнул. – Я имею в виду – жратва-то у тебя есть?

Ореху этот вопрос не понравился.

– Есть немного.

– Слушай, брат, поделись, а? Со вчера ничего не жрал – пузо орет.

– У вас что, еды нет?

Хорек чуть отошел в темноту коридора, и расстегнул ширинку, повернувшись спиной.

– Да еда-то есть...

Эхо от его голоса и журчания мочи полетело куда-то вдаль. Помещения были явно немаленькими.

– Только ведь её готовить надо. А это возни куча. У тебя-то – хлоп-хлоп, и все готово. Короче, брат – не жопься.

Пререкаться Ореху не хотелось, и он положил на верстак один из сухпайков. Хорек застегнул молнию, вернулся и начал возиться с едой.

– Вот видишь, какое дело, – сказал рейдер, закуривая сигарету, одновременно прожевывая последний кусок. – Все ведь ради жратвы...

Они сидели на полу перед примусом, от которого шло тепло. Орех зяб и грел руки о кружку со свежесваренным чаем. Ему непонятно было, как долго они будут находиться в этом месте, но спрашивать не хотелось.

– Помнишь, когда всякие там придурки предполагали ядерную зиму и прочий ад, все говорили одно и то же. Писатели, киношники – типа, самой большой ценностью будут патроны...

– Вообще-то еда и медикаменты, – сказал Орех и подул на горячий чай в кружке.

– Вот-вот. Потому что патронов у нас в стране – жопой жуй. И во всем мире. У нас вообще везде куча оружия, блин. Во всем мире. Миллиарды патронов! И вообще – патрон сделать это пять минут делов, – и он ткнул рукой на верстак. – А еду ты попробуй сделать!

Орех помолчал и снова подул на чай.

– В мире вообще куча оружия, брат. Бомбы, патроны, самолеты эти... Лишь бы стрелять в кого-то. Потому что проще и быстрее, чем самому вырастить, кого-то убить. И сожрать то, что у него есть. Ну или его самого, например.

Хорек зычно отрыгнул и подытожил:

– А самое смешное, что мы все сдохнуть успеем раньше, чем потратить то оружие, каким можно друг друга убить. Мрак, да?

Орех встал, чтобы размять замерзшие ноги.

– Долго тут будем сидеть? – наконец спросил он, подходя к верстаку. На нем, помимо всякого хлама, лежало несколько заготовок под патроны винтовочного калибра.

– Да я вообще только пожрать зашел, а тут эти говнюки на машине. Гасить их надо! Сидеть тут теперь часа два, не меньше.

– А кто это был? Рейдеры?

Хорек подложил матрас и лег на него.

– Рейдеры, рейдеры... Мудаки это были, вот кто. Ни о себе, ни о других не думают. Хоть все люди вымрут, а мудаки на джипах все равно останутся.

– А откуда вы знаете, что это был джип? – Орех ругнулся про себя за это опять выскокшее «вы».

– Потому что тут один идиот с машиной. Точнее, их несколько, идиотов этих, но машина – одна. Раньше, еще по весне, их много было. Катались тут, стреляли, врезались. А сейчас только эти остались.

– Ну, машина – это быстро. Можно уехать... – без особой уверенности сказал Орех.

– Ага. Если за городом. А тут всегда понятно, куда ты уехал. И слышно. И запах. И ремонт еще. Да и вообще – неспортивно это, – усмехнулся Хорек.

Орех начал пить чай. Он был кислый и невкусный, но теплый. Тошнота начала отступать.

– Так вас тут много, получается? – спросил он. – Сколько примерно?

– Ага, щас... Это, может, секрет профсоюза? – ухмыльнулся Хорек. – Да никто тебе не скажет, брат. Может, десять. Может – сто. Может и тыща. Хрен его знает.

– Вы разве друг с другом не общаетесь?

– Кто-то общается. Стайками ходят. Стайками же и дохнут, – Хорек закашлялся и постучал себя по груди. – Но в основном одиночно или парами. Мы это называем «семья».

– У вас что, уже и своя терминология есть?

Хорек с интересом посмотрел на Ореха.

– Блин, ты что, антрополог, что ли?

Спросил он это как-то иначе, и Ореха посетила неприятная мысль о том, что Хорек умнее, чем хочет казаться.

– Просто. Любопытно.

– Да нет у нас нихрена. Так, по мелочи. Никто не придумывает никаких названий, не собираемся мы почти нигде, кроме как на набережной, когда вы или еще кто приплывает. Нет у нас тайных знаков и прочей этой стругацкой херни. Люди живут себе и живут. Стараются никому на глаза не попадаться. Рыбак рыбака, брат.

Орех напрягся. Ему показалось, что рейдер прочел его мысли – не мысли даже, а так, набор ожиданий, картины воображения. Но подумав, он пришел к выводу, что Хорек неплохо представляет себе, какую репутацию имеют обитатели Мертвого города, и просто обобщает чьи-то мнения.

– А уходить... Почему не уходите? Это же лучше, – сказал Орех и принялся стелить себе матрас. Он хотел задать иной вопрос со словом «уходить», но решил не производить впечатления простофили. – В Железку или в какое-нибудь укрепление? Вас же тут все равно убьют рано или поздно. Не те, так ваши же ловушки. Или обвал какой-нибудь... – закончил Орех неуверенно и посмотрел на потолок.

– А я тоже раньше себя спрашивал – чего это мы не уходим. А потом понял, – Хорек слегка приподнялся на локте, как будто собирался произнести речь. – Вот живет себе человек и живет. Пьет там себе пиво вечером, смотрит телек, хуярит кувалдой на заводе или в офисе сидит. И человек он только по паспорту, брат. А по сути – говно. Потому что не пишет он там книжек, формулы не рисует на доске, физику не изучает. И толку от него – как от говна. И производит он только добавленную стоимость – читай, говно, и его же и потребляет. И что самое мерзкое – прекрасно внутри себя понимает, какое он говно бесталанное. И тут вдруг бац – и приходит пиздец. И начинается такая сатана, брат, что хоть в горло сри. И этот наш человек-говно вдруг понимает, что есть у него талант – выживать. Что может он, и всю свою жизнь хотел – вот так, выживать. И ему от этого такой лютый кайф, понимаешь? Вот мы тут, наверное, все такие и есть. Сидим в говне, и нам от этого – классно.

Орех посмотрел на него. Речь звучала чересчур складно и заученно.

– Заранее придумали?

– А то ж! – усмехнулся рейдер. – Ты у меня не первый, брат. Но, понимаешь, тут же все с начала. Шанс с нуля. Тут ты если нашел, как выжить – ты себе нравишься. Спрятался, выжил – и тебе зашибись. Нашел полезную штуку – поменял у ваших на еду. Покушал – и тебе снова зашибись! В новое место пришел, в хату чью-нибудь, посмотрел, как люди жили – интересно же, брат! Глаза закрыл, схоронился прям под носом у ебанурых этих – и кайф. Плюс еще стрелять можно в уродов, или резать их. Этого же до всей этой херни каждый второй хотел. Наверное, потому она, эта херня, и произошла.

Орех отставил стакан с чаем. Поймал себя на мысли, что ему впервые за долгое время нравится вдыхать запах табачного дыма, и зацепился за фразу про закрытые глаза.

– А вы правда умеете... прятаться?

– Ну, а как я живой до сих пор?

– Нет, я не об этом... Ну, типа, «уходить», или как это зовется? Исчезать.

Хорек как-то хрипло засмеялся, хлопнув себя по бедру, и коротко ответил:

– Я – нет.

Орех помолчал.

– Я вас как-то по другому себе представлял... – подумал он вслух и осекся.

– Пф, вестимо! – фыркнул старик. – Думал, небось, что мы как у какого-нибудь Тарковского тут, да? Ходим, бинтик на гайки навязываем, бросаем их? Несем всякую заунывную хрень про то, как жить надо, да стишки читаем?

На последней фразе Хорек выкатил грудь, вытаращил глаза и резко встал.

– Вот и лето прошло, словно и не бывало. На пригреве тепло. Только этого мало. Так ты хотел?

Орех не понял, что имеет в виду старик, но ему почему-то стало смешно. Рейдер был явно умнее, чем хотел казаться.

– Да нет...

– «Да нет», – передразнил Хорек, сел на место и снова закурил. – Я тебе так скажу: у нас тут огромная песочница, а мы в ней – большие, тупые и счастливые дети. Копаемся, ищем клады, отдаем дядям за леденцы. Радость нам и счастье. Ну, иногда еще и пиздец.

Орех засмеялся во весь голос. Осекся. Кашлянул.

– Ну, есть же укрепления. «Башня» или, скажем, «Колодец». Можно было бы там жить, а в город выходить.

– О, нет, брат. Спасибо. Не знаю как вы там, в Железке, а эти совсем долбанулись. Сидят, играют в домики и еще радуются. Они такие же дети, только у них еще и вожатый есть. А вожатые эти – это клиника, брат. У всех свои закидоны. Был я в них пару раз – спасибо. Хватку теряешь, пропадать забываешь... Пусть лучше меня на улице задушат.

Хорек налил себе чаю и достал из штанов тюбик.

– Ну, раз уж вам так тут хорошо, почему... – Орех помедлил, выбирая между «вы» и «ты». – Почему ты решил уйти?

– Потому что Хорек уже не тот, – усмехнулся рейдер. – Что-то я подустал. К тому же... И он многозначительно поднял шприц-тюбик, а затем уколол себя в бедро.

– Что это? – спросил Орех.

– Лекарство, брат, – подмигнул Хорек.

– Не похоже, – Орех нахмурился, хоть и понимал, что его это не касается. В подобных тюбиках простых лекарств не хранили.

– Я в Железку по весне ходил, недавно. Кучу барахла ценного нашел, а корабля вашего все не было. Вот и пришлось до вас идти, до входной зоны. Неделю шел, кажись. Меня не пустили тогда, хотя и поменялись. А заодно я на всякие болячки проверился в санчасти. Они там у меня что-то нашли нехорошее. Старею...

Орех покивал. В Железный город люди нередко приходили только ради одного – лекарств.

– Так мы и сторговались. Они мне лекарств, а я им – подгон.

Хорек скрипуче засмеялся, лег на матрас и растянулся.

– В одном мы на этих сталкеров киношных похожи, брат. Побазлать любим с вашими. У нас-то как – встретились, разошлись. Ну, махнулись чем-то, может, если не убились друг об друга. Рассказать-то нечего. Все либо и так все знают, либо не интересно никому. Боишься выдать свою нычку или, скажем, внимание к себе привлечь. Неинтересны мы друг другу, ибо по сути – одинаковые. Кроме этих пидарюг на машине, конечно. А с вашими – ух, болтаем. Вы все нас слушаете, слушаете. А мы такие...

И Хорек заснул. Он не умолкал, не становился тише – просто заснул на полуслове. Будто бы умер. Сначала Орех так и подумал, и сердце екнуло – замок изнутри был тоже навесной, а где ключи, он не знал. Но потом услышал сопение и успокоился.

Свет Хорек после укола потушил, экономя батареи, и освещал все только примус да один фонарик Ореха, направленный на остатки еды. От скуки Орех снял камеру и отмотал запись назад. Посмотрел, подивился качеству изображения и вернул камеру на место.

И в этот момент раздался звук.

Будто упала жестяная банка.

Звук из коридора.

Далеко, еле слышно, но очень четко. Орех быстро, тихо достал пистолет и направил на дверь, другой рукой подобрав фонарик.

Накатила тошнота.

Никого. Черный дверной проем, за ним метр света и десятки метров темноты.

Что-то зашуршало еще ближе, затем раздался звук потрескивающих битых стекол. Орех затаил дыхание. Он боялся, и боялся очень сильно. А боевая собранность все не приходила.

Тень мелькнула у самого пола. К тому моменту, как Орех перевел фонарь, крыса уже схватила галету и побежала назад, уклоняясь от света. Исчезла.

Орех подобрался и не двигался. Не отвел взгляд, не расслабился. Выучка есть выучка. Но через минуту изможденное качкой тело все же взяло свое, и он громко выдохнул. Неприятно, легко завибрировал наручный КПК – датчик, казалось, сам трясся от страха. Орех тихо ругнулся. Протянул руку, не сводя глаз с двери, и включил лампу. Комнату залило холодным синим светом. Тени дернулись на стенах. Орех опять напрягся, но уже меньше, и, подобрав остатки еды, швырнул крысам в коридор. Оттуда тут же послышалась возня.

Датчик затих. Орех успокаивался. Ему внезапно захотелось курить, особенно здесь, после запаха неожиданно вкусного дыма.

Незнамов не лукавил, когда говорил, что не курит. Просто давно бросил. В армии курить его заставила необходимость – не начни он, его отличие от остальных сослуживцев было бы еще

сильнее, и тогда стало бы хуже. Курить в армии было еще и выгодно – перерывы на перекуры означали лишнее свободное время. Но после армии к сигаретам Орех почти не возвращался. Закурил лишь один раз, почти год назад.

Когда расстрелял человека.

Когда начался Коллапс, Орех, опять же проверяя себя на «слабо», вступил в добровольные бригады МЧС родного Канска. Помогал эвакуировать людей, патрулировал районы. По приказу центрального штаба со многими другими добровольцами летал на вертолетах, ловил мародеров, реквизирует оружие и арестовывал бандитов. Однако это продлилось недолго – связь с центром быстро прервалась, затем быстро опустел Красноярск. Только-только сформированное отделение СБР в Железногорске резко изменило последним директивам центра и принялось создавать надежный укрепленный периметр вместо работ по краю. Никто не знал, что делать и что будет дальше.

В те дни Орех и множество других оперативников из бывшего МЧС и полиции вывозили с небольшой военной базы в Лесосибирске грузы с оружием и боеприпасами, которые растаскивали нашедшие их жители. К этому моменту уже появилась Служба быстрого реагирования – как первая попытка людей после краха огромного государства взять хоть что-то под контроль. СБР представляла из себя остатки МЧС, полиции, внутренних войск и просто напуганных людей, которые хотели выжить. Именно с последними были самые большие проблемы. Люди пытались защитить себя любым способом, в том числе и вооружившись. Это оружие нередко обращалось и против самих людей – в обстановке страха, нервов и злобы ружья, много лет висевшие на стенах, начинали стрелять.

Властей как таковых уже не было, и полицейские, которые к тому моменту занимались в Лесосибирске организацией эвакуации, оказались в шатком положении. Пытаясь заслужить места в разрастающейся СБР, они изымали у жителей оружие и сдавали его инвентарной службе. Но, привыкшие за многие годы к тому, что их должны бояться и слушаться, они столкнулись с тем, что люди начали огрызаться, отказывались. Никто не хотел отдавать то, что могло спасти жизнь. Доходило до массовых драк и стрельбы. Бывшие полицейские пытались прибегать к привычным им методам – насилию и угрозам, но и жители стали поступать так же. Бойцы ОМОНа, привыкшие топтать людей по кивку властей, сами брались в кольцо и безжалостно избивались. Гражданских, замеченных в неповиновении, отлавливали и калечили. Не было ни правых, ни виноватых – все вели себя одинаково. Люди мстили стражам порядка за годы террора, а те в свою очередь вели себя как умели.

Но в СБР были четкие правила – сотрудники ведомств приоритетны. Они умели подчиняться, обладали выучкой. А значит – любой конфликт следовало решать в их пользу. Многие даже в составе СБР были против этого, но «приказ есть приказ».

За три дня до полного вывоза, патрулируя охраняемую зону, Орех и его напарник услышали на соседней улице шум и крики. Несмотря на четкое распоряжение не сходить с зоны патруля и на окрик напарника, Орех, подгоняемый своим азартом, побежал туда. Он застал пятерых озлобленных, ошалелых людей, которые избивали двух полицейских. Напарник, нагнавший Ореха, потребовал прекратить, и тогда на него пошел один из нападавших, выкрикивая угрозы. Ругаясь, крича. Обвиняя людей с оружием в том, что они не помогают.

В те дни все изрядно перенервничали. Еды было мало, медикаментов было мало, страха было вдоволь. Было неясно, что происходит. А тех, кто набегал из темноты, кто никогда не реагировал на крик «Стой», кто молчал или кричал так, что замирало сердце, – их становилось все больше. И в городе, и вокруг.

Орех был охвачен безумным, злым азартом. Он опять захотел проверить себя «на слабо». Такое ощущение бывало у него уже и до этого, очень много раз. Когда он спонтанно признавался в любви, когда пробовал разные наркотики, когда пошел в армию. Импульс, задорное

осознание, что сейчас можно сделать вещь, которую другие испугаются сделать. Вещь, из-за которой на него будут потом смотреть как-то иначе. И он прошил идущего, выкрикивающего брань человека короткой очередью.

Когда волна схлынула, было катастрофически, необратимо поздно. Человек умер почти сразу, ругаясь матом, плюясь кровью. Был, кричал – и исчез. Никто не пытался ему помочь – напарник выхватил у Ореха автомат, полицейские убежали, напавшие попадали на землю, один из них тоже получил случайную пулю в ногу. Умиравший еще полежал в центре, что-то похрипел и затих. А Орех изменился.

Никаких последствий не было. Почему была драка и кто в ней виноват, установили. Раненым оказали всю необходимую помощь. Человека похоронили, не выясняя, как его зовут. Ореха даже не отчитали, просто отстранили от патрулирования. А потом все уехали, бросив почти пустой город.

Тогда Орех начал курить. Курил, чтобы успокоиться, до тошноты, до желтых губ, зубов и пальцев. Ему было мерзко в своем собственном теле. Впервые импульс себя не оправдал. Его не охватывало чувство гордости за внезапную смелую выходку, как бывало раньше. Наоборот, его злило, что его не выгнали, не расстреляли, не лишили каких-нибудь прав. Просто сухо пожурили, между делом. Отправили к врачам на обследование, забрали оружие до окончания операции. А он только курил.

Ему и до этого приходилось стрелять в людей. В нормальных, обычных людей, во время облав в пригороде Лесосибирска, еще тогда, когда город, казалось, можно было отстоять. Но тогда ему в ответ летели пули и дробь, и те люди хотели его, Ореха, смерти. Кричали об этом. Убийцы были с обеих сторон. И нельзя было понять, причастен ли он к чьей-либо смерти. На убитых никто автографы не ставит.

А в этот раз убийца был один.

И тогда Орех изменился. Изломанный, стал тихим и покорным. Пытаясь избавиться от гложущего его чувства вины и страха, он стал выполнять приказы, научился быть исполнительным и послушным. Он больше не хотел проверять себя, потому что проверку не прошел.

И с тех пор стал слыть в СБР отличным оперативником.

Орех осторожно, как вор, взял пачку из вещей Хорька и закурил, поглядывая в проход, стараясь прогнать тоскливые воспоминания прошлого. Мысли и образы пролетели в мозгу и тут же исчезли.

«По возможности старайтесь избегать глубоких, тяжелых душевных переживаний, вызванных воспоминаниями о неприятных событиях прошлого», – вспомнил он написанную каким-то графоманом формулировку из стрессовой памятки сотрудников СБР.

Затянувшись, Орех закашлялся – сигарета явно промокла и потом была высушена. Дым был кислым, вязким. Он докурил из принципа и долго тушил окурок. Новых звуков не было. Орех прислонился к холодной стене, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Ему приснился «Циклоп».

– А говоришь, не куришь, брат, – сказал Хорек.

Орех с трудом открыл глаза. После короткого, холодного, неприятного сна в пыльном и прокуренном помещении вновь жутко заболела голова. Хорек встал, попил воды, протянул кружку Ореху.

– Ладно, давай собираться. Думаю, уже можно.

Орех, шатаясь, привстал. Огляделся. Тело затекло. Вновь слегка тошнило и казалось, что пол качается.

– Слушайте, давайте разберем план действий, м? – опять это «вы» выскочило...

– Ох, и люблю я вас, солдатики. Вам всегда план нужен, и эти... – Хорек защелкал пальцами, вспоминая слово, – директивы! А вот если нет плана?

– Тогда разворачиваемся, и я ухожу, – злобно бросил Орех и принялся разминаться. Настроение было отвратительным.

– Ух какой злющий, – ехидно сказал Хорек и стал собирать вещи.

Ореха начинал злить этот старик. Он был то слишком весел, то слишком спокоен. Как будто бы они не ходили по пустому городу, где еще полтора года назад прямо на улицах гибли люди, а те, кто их убивали, до сих пор жили здесь. Веселый неунывающий старик чувствовал себя как рыба в воде. А Орех чувствовал себя рядом с ним каким-то новичком. От Хорька несло самомнением и риском. Ореха это по-настоящему бесило. Хотя, может быть, это было просто из-за плохого сна...

– Куда мы идем и какой план? Я серьезно, – сказал он, пытаясь добавить в хриплый спросонья голос суровые нотки.

Рейдер поглядел на Ореха хмуро.

– Двигаемся до ТЮЗа. Знаешь, где это?

– Примерно, – Орех вспоминал карту, но совершенно не мог представить координат.

– Ты ведь сам не отсюда, да? Ладно, не важно. Тут, даже если ты из города, но, скажем, с того берега, – Хорек махнул рукой куда-то в сторону, – все равно можно заблудиться. Теперь, я имею в виду.

Орех молча смотрел на Хорька, ожидая продолжения.

– Серьезный такой. Армия, одно слово, – Хорек хохотнул, снова закурил. – Во дворе ТЮЗа стоит автозак. Там наш товарищ и сидит. Доходим, ты его усыпляешь вашей химией, и волочим его назад. За полдня обернемся.

– А сколько он там сидит?

– Дня три от силы. Я на собаку его приманивал. Поймал щенка и...

Этого Орех слушать не хотел и брезгливо махнул рукой, перебивая:

– А он оттуда не мог уйти?

– А кто ж его выпустит-то? – еще сильнее хохотнул Хорек. – Наши не будут, а свои... У них своих нет, он же лысый. Ты за него не переживай – еда у него там есть.

От последних слов Орех снова скривился. Он любил собак.

– Только вот крюк нам дать придется неслабый. А то из-за тех козлов на джипе теперь в каждом дворе можно наткнуться на... этих.

– Слушай, а почему Орех? – спросил Хорек, упаковывая рюкзак.

Орех объяснил.

– Только не надо меня так называть, – добавил он.

Хорек, не отвлекаясь от процесса, повернул голову и прищурился.

– Это еще почему? А как же мне тебя звать-то тогда?

– По имени зовите, – Орех начал собираться сам.

– Скажешь тоже. Имя – это штука не индивидуальная. Вот, скажем, я – Владимир, Вовка, – и как доказательство показал Ореху татуированный кулак. – Так знаешь, сколько со мной в школе сидело... в смысле, училось Вовок? А Хорек – Хорек был один.

Хорек собрал вещи и принялся шарить по полкам.

– Один мужик тут в городе мне сказал однажды про имена. Он говорил, что имя – это... – и Хорек защелкал пальцами как человек, пытающийся вспомнить слова, – о, да, «неуникальный социальный идентификатор». Ты понимаешь?

Орех был раздражен, голова болела. Говорить не хотелось. Старик же был бодр и весел.

– Жидом его кликали, – закончил рейдер, словно бы это делало высказывание убедительным и более весомым.

– А я считаю, что прозвища – для зеков или собак, – сказал Орех в пику бодрому старику. – Когда тебя кличут, то ты как собака себя чувствуешь.

– А по мне, ты как собака себя чувствуешь, когда тебе «смирно» говорят по десять раз на дню, – на удивление грубо ответил Хорек и направился к двери.

До сумерек они не разговаривали, шли молча. Орех был хмур. Ему снова не нравился Хорек, и снова потихоньку подступала тошнота. Земля под ним все еще ходила ходуном, словно весь город плыл по гигантской реке. Орех даже заволновался – может, он чем-то отравился или заболел? Чтобы прогнать эти мысли, он сконцентрировался на спине Хорька и стал думать о рейдере. Почему он так ему неприятен? Много раз до этого Орех встречал людей значительно менее располагающих. Хорек был явно неглуп, иногда остроумен, хоть и карикатурно, и не лез в карман за словом. Таких, как он, Орех не встречал уже очень давно. Среди солдат, офицеров и ополченцев такие, в каком-то смысле живые и жизнерадостные люди, были редкостью. И все же почему-то Хорек ему не нравился. А из-за этого Орех вел себя непрофессионально, несобранно. Ему хотелось стереть несколько часов записи. Он все возвращался и возвращался к мысли, что его разговоры с Хорьком будут смотреть люди в штабе. Что они подумают? К тому же неразъясненный вопрос про способность рейдеров исчезать, вызвавший у него мальчишеский интерес, не давал Ореху покоя.

Хорек шел по мертвому городу медленно, аккуратно и уверенно. Когда они пересекали проспект «Красноярского рабочего», он вел себя очень осмотрительно и умело – быстро оглядывал опасные места, проверял наличие свежих следов, замирал при каждом шуме, которыми полнились дворы и улицы. Был хмур и собран. Орех подумал, что не от каждого профессионала в СБР можно было ожидать таких выверенных движений.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.